

Владимир Карев

ИСТОРИЯ

для мужчин

Владимир Карев
История для мужчин

«ИТРК»

2019

УДК 82.312.6
ББК 83.3(2Рос=Рус) 84-44-45

Карев В. Н.

История для мужчин / В. Н. Карев — «ИТРК», 2019

ISBN 978-5-88010-580-9

Данная книга о необычайных, неординарных случаях и приключениях. Это не стандартные жизненные истории с акцентами на ту или иную проблему, а не похожие на правду рассказы от первого лица, не в прямую предлагающего копнуть себя в глубь, чтобы понять – о чем мы думаем, мечтаем и фантазируем, желая более полной и интересной жизни без заморочек на бытовые проблемы и ненужные мелочи. Главное – осмысленно подойти с иронией к самому себе, зная цену своему внутреннему я. Если читателю перевалило за шестнадцать лет, он поймет, о чем идет повествование. А уж о людях, умудренных жизненным опытом, и говорить нечего. Они-то знают – что почему.

УДК 82.312.6

ББК 83.3(2Рос=Рус) 84-44-45

ISBN 978-5-88010-580-9

© Карев В. Н., 2019

© ИТРК, 2019

Содержание

История для мужчин	6
Рассказы	47
Встреча	47
Случай	52
Камень	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Владимир Николаевич Карев

История для мужчин

© Карев В.Н., 2019

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2019

История для мужчин

Повесть

Последнее время я все чаще и чаще думаю о самой счастливой поре своей жизни – детстве, переходящем в юность, когда был по-детски страстно, но безответно влюблен в самую лучшую девочку на Земле – в одноклассницу. Когда казалось, что дружба – наивысшее чувство, которое не погаснет с годами, когда нисколько не задумываешься о своем будущем: кем быть и что будет дальше, – и в воспоминаниях то время было всегда солнечным, безоблачным летом.

После очередных походов нашей компании – Сашки, Андрея и Сереги, – я остался ночевать у Саши. Он был сын профессора, но квартира у них была небольшая, как практически у каждой, в конце шестидесятых годов, некоммунальной московской семьи, и одна из двух комнат, маленькая, принадлежала ему. А папа, мама и бабушка жили в «большой» проходной комнате.

Ночью разразился страшный ливень, который сподвиг меня проснуться и пойти искать туалет. Было неудобно красться в чужой квартире мимо спящих взрослых, поэтому сонливость улетучилась и, вернувшись, я встал у окна, глядя на пустое шоссе, по которому текли «реки», а в свете редких фонарных столбов ветер рвал бесконечные нити дождя.

Визг тормозов разбудил мое начинающее дремать сознание. Легковая машина, похожая на «Волгу», скользила по мокрому асфальту. Ее неудержимо разворачивало и несло на разделительную зеленую полосу между встречных дорог, которая была ограничена довольно-таки высоким бордюрным камнем. Сильно ударившись уже задними колесами, машина подскочила, но не перевернулась и, проехав юзом по мокрой траве, сделав несколько оборотов, остановилась, замерев на месте, как бы осознавая, что произошло. Мне даже показалось, что в этот момент я увидел, словно в бинокль, лицо водителя. Он как бы вышел из оцепенения, в котором пребывал до этого момента, и посмотрел в мою сторону. Наши глаза встретились. Было видно, что он не просто смотрел, а внимательно смотрел на меня. Затем протер лицо рукой (губы в это время промолвили что-то вроде «Не может быть!») и, заведя заглухшую машину, медленно съехал на дорогу и исчез за пеленой дождя.

Я остался стоять у окна. Взгляд человека в автомобиле был до боли знаком. Где и когда я мог его видеть – это было для меня загадкой. Постояв еще немного, я пошел спать.

Груз тяжелых мыслей приковал мой взгляд к сковороде с макаронами. Усталость в большей степени была приобретена не непосильным трудом, а именно мыслями и раздумьями – как быть и что делать дальше. Смогу ли я дальше работать на кино-видеостудии, где сейчас работаю, или нет – не знаю. Дадут ли мне возможность дальше трудиться и мало-мальски обеспечивать свою семью?

Мне уже перевалило за сороковник. Радостей в жизни немного. Давно работая в кино, я болтался по неммыслимым совдеповским командировкам. За рубеж выезжали более пробивные и удачливые люди, а я, «серенький», гнил на задворках декораций в какой-нибудь Перми, методично зарабатывая язву. Рассказы о командировочных невероятных любовных и других похождениях членов съемочных групп слушал, раскрыв рот и пуская слюну, мечтая о подобном, а попадал в извечно унылую и серую атмосферу «своей командировки», откуда хотелось побыстрее смыться домой.

Но дома безрадостность бытия усугублялась сосуществованием с женой, которая постоянно упрекала за отсутствие денег и обзывала меня импотентом. Из мрачных будней своей жизни я вырывался только в своих фантазиях. Я вспоминал детство (хорошо бы вернуться

туда!), жил в неведомых и далеких южных странах, плескался в лазурном море и находил клады подобно Монте-Кристо. Я мечтал съездить за границу, чтобы иногда небрежно в разговоре невзначай проронить: «И окурки я за борт бросал в океан, проклинал красоту островов и морей...»

Неведомый необитаемый остров стоял перед внутренним взором стареющего фантазера. Из моих мечтаний возвращал меня вечно недовольный голос жены: «Бездельник, хотя бы с ребенком погулял!»

Мой интерес к жизни падал, я все чаще и глубже уходил в себя, я не видел перспектив своего существования и в нередкие часы депрессии подумывал о самоубийстве. Самоубийцей, конечно, я бы не стал, так как это противоестественно человеку и грешно.

Девушки, в которых можно было бы найти отдушину, абстрагироваться от действительности, ко мне относились хорошо, можно даже сказать уважительно, может быть, и снисходительно, но не любили меня, не принимали всерьез, как потенциального любовника. Если даже я был с кем-нибудь в компании, кого считал хуже себя по внешним, внутренним и умственным качествам, а ситуация разыгрывалась так, что девушка должна уединиться с одним из нас, то я оказывался лишним.

Ребята нашей студии по характеру своей работы иногда ездили на съемки в южные страны – объекты моей мечты, а на меня почему-то эта участь не распространялась, – то паспорт не был оформлен, то в это время я торчал в каком-нибудь Свердловске – Екатеринбурге. Обещания были, но ехал другой.

После бесполезного заседания на студии, получив несколько неуважительно-оскорбительных выговоров в свой адрес от директора, я брел к метро по серой, грязной и слякотной зимней Москве. На ботинках выступила соль, ноги промокли, брюки на коленках топорщились. Сырой ветер задувал под куртку, на которой молния не работала и куртка была застегнута только на одну пуговицу. Я ощущал, что больше никому не нужен.

Жена, встретив меня презрительным взглядом, ушла в другую комнату. Я сидел за столом. Передо мной стояли макароны.

Резкий звук телефонного звонка вывел меня из оцепенения. Мне давно никто не звонил домой.

– Да! – заикаясь от неожиданности, сказал я в трубку.

– Вовка, это ты? – чуть ли не кричал, полный жизненной уверенности и благополучия, голос. – Это Саня, друг твой!

Детство и юность встали реальной картиной того радужного, яркого, счастливого времени. Руки мои вспотели, затряслись. Я ими прижал трубку к лицу, как будто у меня в руках была «синяя птица», которая может улететь, как будто в руках я держал свое детство и боялся, что оно исчезнет, как мои мечты о нем.

Это был мой друг Сашка.

– Саня, привет, это ты? – не веря своим ушам, спросил я.

– Я! Как живешь? Короче, я тут ввязался в одну авантюру. Финансируем небольшой проект, надо сгонять за рубеж, девчонок вывезти на конкурс. Я узнал от наших, что ты работаешь в кино и у тебя огромная организационно-командировочная практика. Помогии, и тебе по кайфу лишнии раз на халяву за рубеж смотаться, и мне поможешь, о деньгах договоримся. Девчонок повезешь – «класс», небось, до сих пор грешиишь. Ну, это я так, не обижайся. Как, согласен?

Он мне не дал ответить, видно, дела у него шли хорошо, и такой мощный напор говорил о том, что его предложения всегда были такими, от которых трудно было отказаться, если вообще это было возможно. Ну, Саня дает, молодец!

– Мой чудила, – продолжал Саня, – который должен был сопровождать после Москвы сборную красавиц, – чтоб им пусто было! – вчера хлопнулся на машине. Слава богу, живой,

а для такого деликатного дела нужен проверенный человек с практикой, я вот и подумал о тебе. У тебя командировки, актрисы, поездки за рубеж. В общем, то, что надо, а я ж тебя знаю. Значит так – если согласен, то отпросись с работы дня на четыре, забрось девчонок по назначению, денек отдохни и домой. В принципе я этим не занимаюсь, но сдуру подрядились, да этот придурок подвел. Если всё «о'кей», – вернешься – встречу с нашими устроим. Ну, я рад, что у тебя все хорошо. Выручай. Извини, я завтра звякну. Ну, и повесил я на себя ярмо. Завтра подробнее поговорим, еще раз извини, должен бежать. Пока!

Я сидел, словно оглушенный. Мало того, что у меня куча сомнений в своих способностях, так еще вспомнил, как в последнюю встречу одноклассников, немного выпив, начал плести ахинею про заграничные командировки, из которых как будто не вылезая, и про бесконечную череду флиртов с актрисами, якобы извечно окружающими меня. Это, наверное, и послужило причиной Сашкиного звонка. Хорошо, что как-то по случаю мне сделали заграничный паспорт, сам не знаю зачем.

Мозг мой вскипел. Я лихорадочно думал – «что делать?». Со страху ломать свой, искусственно созданный перед друзьями, имидж – значит потерять последнее, что имеешь авторитетного в этой жизни. И в то же время подвести человека, который возлагает на тебя надежды, тоже нельзя.

Тут меня словно током ударило – это же *фортуна* решила повернуться ко мне лицом! Может, это *судьба* дает мне шанс изменить ход безрадостных будней на увлекательную, счастливую или, по крайней мере, интересную жизнь. А что я теряю? На работе явно швах. Дома – хоть в петлю! Если откажусь – испорчу о себе мнение и связующая нить уважения друзей порвется. Соглашусь и не справлюсь – аналогично. Выполню – в глазах друзей подтвержу свой имидж, да и за границей побываю. А это для меня – *о-го-го*.

Если бы я видел себя со стороны, я бы описал себя так: «Его глаза заблестели. Во взгляде появилась счастливая уверенность в себе. Внутренне он кричал – “Сашка! Я согласен!”».

Решение было принято. В течение нескольких дней через Санину фирму оформились все необходимые документы, но с ним встретиться мне не довелось. Встреча была назначена в одной из центральных гостиниц в день отъезда.

К такому ответственному моменту я готовился тщательно. Пока жена не видела, я перемерил весь свой небогатый гардеробчик, отутюжил черненькие, несколько коротенькие брючки, но все было не то. Вконец расстроившись, я забрался в недра, когда-то модной, стенкишкафа и обнаружил почти что неношенный, немного потертый в нужных местах, джинсовый костюм. Боже мой, как я им дорожил в свое время! Костюмчик пришелся впору, если не считать, что штаны я сумел застегнуть после пятого выдоха без вдыхания. Я ощутил себя молодым ковбоем, но почему-то закованным в латы, особенно в поясе.

Холл гостиницы встретил меня блеском витрин, разнообразием вывесок на иностранном языке, разноликой толпой красивых людей. Было впечатление, что я уже попал за границу. Это меня так напугало, что я тут же захотел быстрее вернуться домой в Москву, в привычную среду обитания. Ноги сделались ватными и непослушными, но, подгибаясь в коленях, они все ж таки несли мое тело к декоративному фонтанчику, который я увидел сразу, как вошел в гостиницу, где должна была состояться встреча с другом. Парализованный взгляд и волнение вырубili напрочь мое сознание, и я на автопилоте в коматозе пересек холл гостиницы и остановился только тогда, когда уперся грудью в ориентир.

Полдела было сделано. Я сделал шаг в новую жизнь.

Не прошло и минуты, как широкая мраморная лестница, ведущая на следующий этаж, заполнилась девушками изумительной красоты. Они царственной походкой спускались вниз. Они все были высоки, стройны, длинноноги и недоступны. Впереди них шел, элегантно одетый, красавец мужчина – явно их шеф. Шеф, немного повернувшись к девушкам, что-то небрежно сказал на английском языке, пригладил красивую седую прядь на виске, которая и так была на месте, и направился ко мне, раскинув руки. Это был Сашка.

– Привет дружище, – мял он меня в своих объятиях, – сколько лет, сколько зим. Прости, что не смог до этого встретиться. Видишь – ни минуты покоя. Я тут, понимаешь, живу одними извинениями, везде опаздываю из-за этих баб. Ну, благо сейчас на тебя их сброшу и хоть в нормальный ритм войду.

Оторвавшись от меня, он поправил свой костюм и продолжал:

– Короче, берешь этих девчонок, – в этот момент он нежно хлопнул по попе одну из проходящих мимо девушек, которая кокетливо ему улыбнулась, – и везешь их через Сингапур на острова. Ты пастух – они овечки. Твоя задача – билеты, транспорт, гостиницы, минимум непредвиденных затрат и никаких поблажек, но внимательное отношение обязательно. – Он подмигнул. На что он намекал, я не понял, наверное, чтобы я своим невежеством не создал прецедент для международного конфликта.

– Вот деньги. Здесь...

Он назвал сумму, которую я не то что не держал в руках, а даже не видел.

– Вот билеты и прочее.

У меня лихорадочно заработала голова – куда это все спрятать, чтобы не украли. С ума сойти! Может, быстро домой стогнать и попросить жену пришить потайной карман за подкладкой. Тьфу, ну и идиот я! Какая жена, времени нет! Видя мое замешательство, Саня спохватился:

– Ах да.

Он махнул кому-то рукой. Не менее элегантный парень подошел к нам, выслушал Саню и исчез. Через некоторое время в руках у меня была презентабельная папка, куда я засунул все билеты и сопроводительные документы, а деньги рассовал по карманам.

– Ну что ж, – сказал Саня, – вид у тебя туристический. Плавки, надеюсь, взял? – хлопнул он меня по плечу. – Остальное прочтешь в сопроводилровке от фирмы-устроителя. Вопросы есть?.. Говори, а то времени в обрез.

Я набрался смелости и спросил:

– А где сопроводилровка-то?

– А вот она, – он взял у меня папку и открыл отсек, где лежал красивый листок с текстом, но на неизвестном мне языке.

– Так это ж на иностранном, – идиотски улыбаясь, сумел выдавить я из себя.

У Сани глаза округлились:

– А ты что, ни бельмеса? – побледнел он.

– Ну... я же учил немецкий. В немецкой группе, в отличие от тебя, был, – испуганно прошептали мои губы.

– Ё... Ё... Ё... – протянул Сашка, хватая себя за голову. Потом тут же встряхнулся и твердо сказал, перебарывая себя:

– А, херня! Ну, немного не учел. Ну, ты же справишься! – утвердительно сказал он, глядя мне в глаза. Но в его глазах стоял огромный вопрос.

– Ну, ты же огромный практик и авантюрист. Все будет хорошо, – не веря себе, сказал Саня. – Тем более, что изменить ничего уже нельзя. Ну ладно, загоняй девчонок в автобус, вон он стоит у подъезда. Их тридцать две штуки, не растеряй.

– Девочки, бай! – крикнул он, и еще что-то сказал на английском языке, указывая на меня. Вероятно, он сказал, что теперь их начальник я, наверное, он все-таки сказал, что это только на время перелетов и переездов к месту назначения, а не навсегда.

Они же все иностранки. Ё-мое, как с ними общаться, не представляю. Ну и влип! А если кого потеряю – как. Если сам потеряюсь – невелика беда, но и этого не должно быть, опять же все на мне. «А как проходить таможеню, а как понять билеты, а как... а как...» – вертелось в моей голове. Я взмок от макушки до пят.

– Ну давай, действуй! – из глубины моих мыслей вырвался голос Сани. – Загоняй!

Я подошел, ни жив ни мертв, к ближайшей от меня девушке, тронул негнущейся рукой ее за рукав и выдавил из себя:

– Мадам, биттэ.

Взгляд девушки свысока (она была выше меня, как мне показалось, вдвое) уничтожил меня окончательно.

Наконец, когда все красавицы были собраны в автобусе и посчитаны по головам, я, как в последний раз, посмотрел из открытой двери автобуса на грязную улицу Москвы и на жемчужину среди грязи – яркие стеклянные двери гостиницы. Я где-то в глубине души надеялся, что Саня скажет: «Ну ладно, я поеду с тобой» или «Вот тебе замена». Но Саня, красивый такой, появился в дверях и крикнул:

– Вовка, удачи тебе!

Дверь автобуса закрылась, отрезав меня от мира, в котором я прожил все это время. Было впечатление, как будто впервые меня, маленького, оторвали от мамки и оставили с чужими людьми. Хотелось плакать.

Аэропорт был пройден на «ура». Старая административная закалка подсказала мне, что нужно обратиться к сотруднику аэропорта и все подводные камни, находящиеся на пути следования через таможенный контроль, были виртуозно пройдены, тем более что «мои» девушки и без моего участия неоднократно проделывали данную процедуру.

Летая в самолетах, я люблю сидеть у окна и наблюдать за взлетом и посадкой, смотреть с высоты на квадратики полей, на россыпи крохотных домиков и любоваться бескрайним ландшафтом нашей Земли. Когда все расселись по местам, я с удовольствием обнаружил, что мое

место находится у иллюминатора. Сделав гримасу улыбки, как мне думалось, удачную, чтобы расположить к себе своих соседок, я начал скромно жестикулировать, двигать указательным и средним пальцами, показывая всем своим видом, что мне нужно пробраться к своему креслу.

Две сидящие девицы сначала на мои действия не обращали никакого внимания. Затем непонимающе взглянули на меня – мол, шута не заказывали и просьба не беспокоить. Однако, после очередных моих приплясываний и жестов перед «их величествами», нехотя дали мне возможность пробраться к заветному местечку.

Первым делом я решил пристегнуться ремнем безопасности, чтобы в дальнейшем не шевелиться и не мешать своим спутницам. Один конец ремня я обнаружил сразу, второй отсутствовал. Искоса, незаметно посмотрев на соседку, увлеченную беседой с подругой, я нагнулся между двух сидений в поисках второй части ремня, будто бы он мог валяться на полу. Но расстояния между креслами были такие незначительные, что я не рассчитав, оказалось, просунул свою голову между ног рядом сидящей спутницы, которые были широко расставлены, чтобы не упираться коленями в кресло переднего ряда... Красный как рак, я выдернул голову из соблазнительной бездны и, оскалившись в безобразной улыбке, брякнул:

– Пардон, – ничего другого в голову не пришло.

Девушка взглядом презрительно смерила мое убожество с головы до ног и, как ни в чем не бывало, продолжила беседу.

Но пристегиваться все-таки надо было. Полностью обескураженный я нащупал начало ремня, которое крепилось к креслу, и начал двигать руку по направлению к замку, не понимая, что рука моя шла прямым путем под ягодицы девицы. Она, прервав беседу, с удивлением и негодующим интересом взглянула на мою персону, как смотрит строгая учительница поверх очков на школьника-идиота. На ее лице было написано: «Куда ты лезешь? Посмотри сначала на себя и сделай вывод».

И эта «змея» двумя пальчиками с длинными ногтями брезгливо взяла мою руку, словно грязную тряпку, и, не прилагая усилий, попыталась водрузить ее обратно на мою территорию. Я уже и сам, осознав, что творю, стал убираться восвояси, но судорога сжала ремень в кулаке, который мне не получалось отпустить, а так же я не мог остановить и движение руки к себе. Замок, на котором сидела красавица, видно зацепился за ее коротенькую юбочку и край юбки полез вверх, оголяя красивые, идеальные ноги так, что показалось все, что под этим кусочком материи находилось.

Девушка, вскипев, вскочила, выругалась, по-моему, матерно, на своем любимом языке, отшвырнула в мою сторону замок ремня и нагло задрала подол, чтобы посмотреть, не нанесен ли ущерб ее одеянию. При этом она открыла набор достоинств, находившихся ниже пояса – и красивую попу, и остальные места, откуда растут ноги. Мне показалось, что я вечность смотрел туда, пребывая в полуобморочном состоянии. Все было в порядке и девушка, опустив юбку, нервно села на место.

Трясущимися руками я долго не мог застегнуть замок, а когда мне это удалось, я наконец-то взглянул в иллюминатор. Передо мной простиралось широкое крыло самолета.

Полет проходил нормально. Стюардессы ходили между рядами и предлагали разнообразные напитки. Очень хотелось пить после нервных стрессов, но я боялся не то что бы повернуться в сторону прохода, но даже пошевелиться. Задница болела, спина ныла. Я тупо смотрел на крыло самолета, где на одной из клепок, как в припадке, трепыхался какой-то кусочек материи. Это и был объект моего внимания. А эти, две мои красивые стервы, выпили, наверное, и воду, и сок, и предлагаемый стюардессами виски. Я видел, кося от окна взглядом, как по салону ездил целая телега всевозможных напитков.

Мой организм, включая руки, ноги и голову, продолжал мужественно бороться.

Настал час обеда. Подошедшая к нашему ряду стюардесса настойчиво и вежливо обратилась ко мне:

– Искюзми...

Я, наконец-то, повернулся в ее сторону, но не головой, а всем телом, как заржавевший железный дровосек. Тело было сковано от неудобной позы, в которой я просидел часа два, не шевелясь. И (ну как же мне не везет!) моя левая онемевшая рука опять случайно забралась под все ту же юбку, за что пришлось получить звонкую пощечину.

Стюардесса, немного сконфузившись, сделав паузу, продолжила что-то говорить, видимо, предлагая мне варианты блюд. Ее голос заглушался невероятным звоном от пощечины в правом ухе. Понимая, что надо что-то ответить, я начал беспорядочно нервно тараторить:

– Я, руссо, не понимаю! ...э...э...фиш, – вспомнил я, – и бир, айн.

Соседка, опять же презрительно хмыкнув в мой адрес, ела что-то более вкусное, чем «фиш». Но мне, вероятно, в этот момент надо было покориться своей, такой нерадостной и нелегкой, судьбе.

Самое большое мучение настало позже. Через некоторое время соседки уснули, перегородив своими длинными ногами путь к проходу. А я, напившись пива, захотел писать, и сил не было терпеть. Стиснув зубы, я продержался еще минут двадцать, надеясь, что кто-нибудь из них так же захочет подняться по той же причине, но, видно, бесполезно было ждать. Я стал грубо елозить на месте, задевая спящую мучительницу локтями. Толку не было. Тогда я решительно встал и так же обреченно плюхнулся обратно. У меня стал мутиться разум.

В этот момент сильно тряхнуло самолет, и практически сразу в салоне зажегся яркий свет. Все пассажиры встрепенулись и открыли глаза. Неизвестно откуда в проходе появилась стюардесса и, улыбнувшись, громко, явно извиняясь, что-то произнесла. Люди стали застегивать спасательные ремни, а я, вместо этого, хватая открытым ртом воздух, буквально прорвался сквозь, не успевшие убраться с моего пути, ненавистные длинные ноги полусонных соседок, и ринулся по проходу мимо обескураженной такой выходкой стюардессы, и заперся в туалете.

«ЧП» не случилось ни со мной, ни с самолетом. Тряхануло его, вероятно, от воздушной турбулентности. Летчики были «на высоте». Мы летели по запланированному курсу.

Сингапурская земля встретила нас ярким солнцем и влажным горячим воздухом. По краям взлетного поля группками росли пальмы. Я, наконец-то, ступил на землю другой страны. Я сделал несколько шагов, ощущая себя тем достойным человеком, которого посылают в командировки за границу и что мне это будто бы не впервой, и что здесь я себя чувствую как рыба в воде.

На выходе из зоны таможенного контроля, в толпе, я увидел индонезийца с табличкой, на которой крупными латинскими буквами была написана моя фамилия. Это я прочитать сумел. Слава богу, нас встретили.

Никто не потерялся. Мы уселись в автобус и помчались мимо сооружений аэропорта, мимо изумрудных лужаек, мимо утопающего в зелени, огромного моста автострады.

По краям дороги росли огромные раскидистые деревья, а под ними невиданной величины кактусы. Как гигантские одуванчики, стояли высокие кокосовые пальмы вперемежку с веерообразными деревьями. Нас обгоняли блестящие автомобили и упакованные в кожу мотоциклисты. Неожиданно впереди показались сверкающие на солнце красивые здания небоскребов. Количество этажей считать было бесполезно. Одно стояло как лезвие изящного ножа, другие напоминали башни Манхэттена, которые я видел в кино. Все впечатляло и потрясало мое воображение. Это был *Сингапур*.

Гостиница, в которую нас привезли, находилась, как потом я узнал, недалеко от центра. Обслуга раскланивалась и улыбалась. Я думаю, все были обескуражены таким изобилием красивых девушек.

Момент расселения моих подопечных для меня оказался тяжким бременем. Не зная языка, я пытался контактировать с местной администрацией, объясняясь, где на пальцах, где неумелыми рисунками на бумаге. Вконец запутавшись, от безысходности я громко выругался, уткнувшись бестолковой своей головой в сверкающий зеркалами столб у административной стойки.

– Извините, – вдруг услышал я, – может, я вам смогу чем-нибудь помочь?

Вылупив глаза, я повернулся на нежный звук девичьего голоса и увидел перед собой одну из своих «овечек», и вдруг вспомнил, ни с того ни с сего, Сашкино определение.

«Чертовски красива, – подумал я, – значит, тоже стерва».

– А вы русская? – по-дурацки зачем-то спросил я.

– Да, нас в группе трое.

Девушку, как и всех русских красавиц, звали Маша.

Она действительно знала английский язык, но в пределах презентации себя. Однако этого хватило, чтобы разобраться в номерах гостиницы, получить ключи и понять, где будет завтрак и когда надо уезжать.

Маша оказалась милой, не зазнавшейся особой, и я испытал огромную душевную удовлетворенность, что не один нахожусь в этой неизвестности, и что хоть один человек отнесся ко мне с пониманием и сочувствием. «Милое создание», – так в моей душе зафиксировалось первое впечатление о ней – как я понял, была провинциалка. Ей было крайне важно удачно добраться до этого недоступного для многих конкурса, чтобы потом, возможно, закрепиться в жизни.

Ко мне пришло понимание, что мир не без добрых людей, и я попросился через час зайти к Маше, чтобы поговорить об оказании мне посильной помощи с ее стороны.

В намеченный час я постучался в дверь. Ее открыла высокая девчонка, одетая в изящные бриджи и короткую майку.

– Привет, – сказала она, – заходите.

Это был номер на трех человек, и, по всей видимости, сюда заселились три отечественные красавицы.

– Привет, – бодренько, по-молодецки, сказал я, – а где Мария?

– Она в душе, сейчас выйдет, – последовал кислый, без тени интереса к разговору и ко мне, ответ.

Оглядевшись вокруг, я обнаружил не реагирующую на меня еще одну девушку, которая в одних трусиках лежала поверх застеленной постели, закинув ногу на ногу и скучающе рассматривающую свои ногти на руках.

Чуть-чуть прокашлявшись, я отвернулся к двери и стал делать вид, будто разглядываю потолок.

– Да вы присядьте и не стесняйтесь. Все равно мы к вам относимся не как к мужчине. А вы к нам не относитесь как к дамам. Вам я точно не дам, – неумно, по-хамски, пошутила лежащая самодовольная «выдра». И они обе унизительно и оскорбительно засмеялись в мой адрес. Они понимали, что могли себе это позволить, так как наслушались дифирамбов в свой адрес и имели, наверное, за своей спиной мощную поддержку не только официальных спонсоров. Я закрыл глаза от стыда.

«Ну и твари», – подумал я и сделал решительный шаг по направлению к двери. В этот момент открылась дверь из ванной комнаты, и я неловко налетел на Машу, которая вышла оттуда с распущенными мокрыми волосами, обмотанная выше груди полотенцем. От неожиданности она так же неловко дернулась, и полотенце соскользнуло с ее обнаженного тела.

Шепча, как молитву, слова извинения, я тут же нагнулся вниз, чтобы поднять злосчастное полотенце, но сила инерции, преданная моему телу решительным шагом, была велика. И вместо ловкого благородного жеста, я с силой воткнулся головой в животик растерявшейся

Маши. Маша от боли согнулась так, что моя бедная голова оказалась зажатой между двумя упругими выпуклостями и ножками прелестницы. Мало того, инерция движения продолжалась. Маша также молниеносно разогнулась, ударившись задом об пол и раскинув руки и ноги, распласталась во весь коридор. Я же, увлеченный профессиональным захватом сверху и снизу, свалился на четвереньки и остался стоять в этой позе. Подстилкой нам служило белое гостиничное полотенце.

Не помню, как я оказался в коридоре, но истерический хохот подружек вслед гнал меня, как таракана от мухобойки (забиться бы в какой-нибудь угол и замереть до ночи!).

Меня уже не радовало, что я попал в мечту своего детства – в Сингапур. Мне хотелось побыстрее избавиться от этой кучи стервозных девиц и вернуться в Москву к своей, хоть и не менее стервозной, но родной жене. Сейчас ее ругань казалась мне песней, которую в данный момент я готов был слушать, закатив глаза от удовольствия. Хорошо, что хоть номер мне дали отдельный. А если бы с какой-либо из этих «тварей»? Так бы и простоял у дверей в коридоре или где-нибудь прятался в комнате от колючих недобрых взглядов какой-нибудь немки или китайки, на худой конец.

В поисках места, куда бы я спрятался, я отодвинул шторину и обнаружил, что из моего окна виден гостиничный бассейн. Там уже с удовольствием плескалась группа «моих» девушек. Мне так захотелось искупаться в бассейне, что от негодования я с силой сжал кулаки и зажмурился. Я понимал, что этого сделать мне не доведется.

Осмелев, озираясь, я прокрался к лифту, доехал до первого этажа и, не поднимая взгляда и не смотря по сторонам, выскользнул на улицу.

Город бурлил нескончаемыми потоками людей, быстро и медленно идущими в разные стороны, входящими и выходящими из бесчисленных магазинов и ресторанов. Они были все стройны, смуглы, узкоглазы, аккуратно одеты и небольшого роста, в отличие от сопровождаемых мною «оглоблей-красоток».

Меня подхватил людской водоворот и понес от витрины к витрине, от магазина к магазину. Наконец-то я чувствовал себя Человеком, равным среди равных. Я с удовольствием любовался школьницами, маленькими, а уже иностранками, одетыми в синие юбочки и отутюженные белые рубашки. Быстрым шагом мимо меня проследовал молодой человек. Красивая короткая прическа его густых черных с отблеском, как вороненая сталь, волос, черные наглаженные брюки и белая рубашка с галстуком рассказали мне, что это или клерк, или студент. Доверительно выставленные чуть ли не за пределы магазинов прилавки с россыпями часов, сувениров и обуви говорили мне о доверии друг к другу жителей этой страны. Они, наверное, жили по правильным законам взаимоуважения и бережливого отношения человека к человеку.

Я был счастлив до момента возвращения в гостиницу. У дверей моего номера стояла Маша.

– Извините, – сказала она, – я уже пятый раз подхожу к вашему номеру. Меня заслали девушки сказать, что пора ужинать. В мини-баре, к сожалению, одни только сладости да орешки, а надо бы и немного существенного перекусить.

Первое, что меня шокировало, так это то, что они стали трясти мини-бары. Я много был наслышан о баснословной цене данного сервиса и это я, наверное, скоро смогу ощутить на себе. Надо было срочно выбираться из этой ситуации.

– Маша, вы простите меня за сегодняшний нелепый случай, – начал я нервно, – но, пожалуйста, помогите мне заказать ужин. Я английского совершенно не знаю.

С грехом пополам нам удалось это сделать. Но когда мы стали обходить номера для приглашения всех покушать, я с ужасом обнаружил, что чуть ли не половина из девушек уже трапезничала в номерах. И я догадывался, что расплачиваться за всех придется мне. В глазах у меня плавали букашки, сердце билось с перерывами, болел низ живота.

На следующий день, после проведенной в бреду ночи от невыносимых мыслей о растрате, мы с Машей, добрым моим другом, пытались понять, почему наш вылет сегодня не состоится. Ответственное за посадку на следующий самолет индонезийское лицо профессионально улыбалось, что-то пыталось нам объяснить, «держа за пазухой камень». Я понимал, что еще одни сутки, проведенные в этой гостинице, окончательно разорят меня, и я не смогу купить даже коробок индонезийских спичек, чтобы хотя бы сжечь себя и не мучиться от голода и жажды, на что, наверное, обрекут меня эти королевы красоты.

А им было все равно. Поняв, что сегодня нет вылета, они беззаботно отправили с портье свои вещи обратно в номера и, как насекомые, расплозились, разбежались, ускакали и исчезли в лабиринтах улиц и магазинов, оставив меня одного в номере с грузом тяжелых размышлений о будущем.

Следующий день был днем презрения. Вероятно, устав от бесконечных мотаний по городу, никто из них долго не выходил из своих номеров, и все прелести индонезийской кухни оценивались ими, не вставая с постели.

Благое известие о сегодняшнем вылете я вынужден был разносить по номерам.

Предварительно я нарвал квадратики бумажек, нарисовал на каждом кусочке чемодан, машину, самолет и напротив каждого рисунка поставил последовательно время действий.

Нашим передал информацию через дверь, громко три раза повторив, что, когда произойдет и, на всякий случай, сунул бумажку с рисунками в щель. Дверь они мне открыть не соизволили. Сказали, что я сексуальный маньяк и громко заржали.

Следующий номер, куда я позвонил, полагаю, были немецкие апартаменты. Дверь открыла строгая девушка и молча посмотрела на меня чуть прищуренным взглядом, держа у лица длинную сигарету в не менее длинных пальцах. Мне на миг показалось, что в правом глазу у нее монокль-стеклышко, такое, как у сухих, похожих на холеных, но тощих котов, немецких офицеров, которых раньше показывали в фильмах про войну. Когда я уже начал рассматривать и воображаемые усики под фюрера, и галифе на тощих ногах, меня привел в чувство недовольный грудной голос исследуемого объекта: «Вас?» – или что-то в этом роде.

Опомнившись, я стал показывать бумажку со своими нелепыми рисунками и жестами объяснять типа:

– Цигиль, цигиль, ай лю-лю, «Михаил Светлов» – у-у-у...

Она выхватила из моих рук эту бумажку, посмотрела на нее и, с отвращением на лице, сказав что-то похожее на «дункопф», захлопнула перед моим носом дверь. Я не понял, поняла ли она мою содержательную речь.

Номер итальянок, напротив, встретил меня радушно. Девица со взъерошенными длинными черными кудрями распахнула передо мной дверь, не останавливая темпераментную беседу с похожими на нее подругами, и опять же кинулась к стенному шкафу, стоящему в глубине комнаты, в котором, вероятно, до этого рылась, и продолжила свое занятие. Вторая девушка копошилась в чемодане, стоя ко мне задом. Третья носилась из ванной комнаты к тумбочке и обратно в ванную, постоянно что-то разное держа в руках. Было впечатление, что я здесь живу, и меня впустили, на секунду оторвавшись от дел, чтобы не томить за дверью одного из хозяев данного жилья. Держа перед собой свою бумажку, как входной билетик в кинотеатр, я пытался обратить на себя чье-либо внимание, но мои действия никто не замечал. Никто не хотел отрывать контрольную полосу билетика. Все тараторили.

В ожидании удобного момента я начал рассматривать, что же все-таки происходит.

Та, которая перебирала содержимое гардероба, была одета в немыслимо красивый и очень откровенный пеньюар. Ее это нисколько не смущало. Смущало меня. Та, что копалась в чемодане, оказывается, была одета в какой-то купальник или сарафанчик, который едва дохо-

дил до половины ее попы и на меня смотрели две упругие булочки ее задницы, не прикрытые ничем.

А та, которая бегала, вообще была голая, но так как была достаточно смугла и грудаста, то было впечатление, что одета.

Во мне все напряглось.

От такого пренебрежительного отношения ко мне как к мужчине, я предпринял решительные действия и остановил бегунью на ходу.

От неожиданности она замолчала и впервые заметила меня. Взгляд ее черных глаз сжег меня дотла. Я протянул к ней руку с бумажкой, а она, подумав другое, эротически приоткрыв рот, направила к моей руке горячую смуглую грудь и далее подалась всем телом ко мне, думая, что первым в атаку пошел я. Нереальная близость безумной красоты вскружила мне голову, руки задрожали, бумажка выпала. В комнате водрузилась звенящая тишина. Было слышно, как громко упал этот легкий листок.

Тишину разрезал скрежет гусениц моего хрипящего голоса:

– Синьора, плиз, – соединил я познания итальянского языка с английским и разжал пустой кулак.

Затем, ойкнув, как Ванька-встанька, молниеносно присел и тут же подскочил, сунув ей под нос свою бумажку.

Все молча смотрели на меня, но, не увидев ожидаемых сексуальных действий, тут же с досадой продолжили свои занятия и галдеж.

Под впечатлением увиденного, я стоял уже по другую сторону двери и не понимал, что же все-таки надо было мне делать.

Негритоска, в номере которой я побывал, была намного приветливее. Она, наверное, думала, что я тоже из дебрей дикой Африки.

Китайки или японки долго гурьбой изучали мои иероглифы, пока не стали, мило улыбаясь, кланяться, понимая, что я им предлагаю поменять их письменность на, мною вымученное сегодняшней ночью, эсперанто.

Все-таки, невзирая на все препоны, которые ставила мне судьба, невзирая на неприятную для меня встречу с соседкой по перелету, на откровенное унижение моего самолюбия многими моими спутницами, я сделал *это!* Я предупредил всех!

Осталось недолго мучиться. Я ощущал себя Икаром, который скоро сбросит оковы земного тяготения и вззовется ввысь.

На ресепшене мне быстренько подрезали крылья, выкатив невероятный счет за дополнительное обслуживание номеров.

Общипанный по полной программе, я поплелся собираться к отъезду. Я ненавидел местного «чурку», который не смог вовремя поставить нам нужный самолет. Я ненавидел себя, попавшего в зависимость ситуации. И что он, этот «чурка», имел в виду, говоря «новый-старый», как перевела мне Маша, используя все знания английского языка. Его бы, шпинделя, на мое место. Дай бог, чтобы он появился в назначенный срок. Иначе я повешусь.

Последние действия нашего куратора с сингапурской стороны были безукоризненны. Он не опоздал, транспорт был доставлен вовремя. Мне не нужно было ничего делать. Единственное, что я делал, так это тайком пересчитывал длинноногих «овечек». На них я уже смотрел не как на исчадие ада, а с интересом и какой-то душевной теплотой, которая пряталась где-то глубоко в моем сердце. Я уже оценивал их как мужчины и незаметно посмеивался над собой и теми нелепыми ситуациями, в которые попадал с этими амазонками. Это со мной происходило потому, что я знал, что через несколько часов распрощаюсь с ними и буду свободен как ветер. Я сниму номер в гостинице, куплю новые плавки, вместо забытых дома, и залезу в теплые волны океана. Все будет здорово.

Уверенные действия индонезийца расслабили меня до безобразия. Идиотская улыбка не сходила с моего лица. Единственное, что меня беспокоило, так это его бегающий, ускользающий от меня взгляд. На вопрос: «О'кей?» он, делая вид, что помогает грузить багаж и, не смотря в мою сторону, бубнил: «О'кей».

«Может, это врожденная или воспитанная скромность?» – думал я. – А может, ему стыдно за нашу задержку». Но в предвкушении свободы я ему все давно простил и смотрел на него, как на маленького ребенка, с любовью: «Гад, сколько ж ты мне неприятностей доставил. Ну да ладно, живи. Я даже доллар тебе дам за хлопоты».

Добравшись без эксцессов до аэропорта и зайдя в его живительную прохладу, я понемногу начал приходить в себя. Было такое ощущение, словно прошла вечность с момента прилета в Сингапур. Вещи грузились, куда-то перетаскивались, билеты оформлялись. Была незначительная заминка на таможенном контроле. И вот мы на взлетном поле.

Немного было странно, что все пассажиры загружались в самолеты через посадочные рукава, а нас вывели сразу на поле.

Оглядевшись вокруг, я заметил работницу аэропорта, которая дожидалась, когда мы скучкуемся. Подскочив к ней, я, пока еще не волнуясь, начал задавать вопросы:

– А где самолет-то, люфтваффе? Почему нас так сажают, ворум? Это же королевы красоты, герл!

Та хитро улыбнулась, что-то стала лепетать, показывая большим и указательным пальцами, то широко их раздвигая, то сближая, и указывая на трубу перехода над нами, из чего я понял, что есть что-то большое и маленькое. Опять же проскочили уже знакомые мне слова – «старый-новый».

Девы невозмутимо стояли в стороне, осуждающе наблюдая за нашей беседой. Скоро нас загрузили в подъехавший автобус и повезли мимо огромных лайнеров, расписанных всевозможными эмблемами и названиями известнейших авиакомпаний мира. Недалеко взлетали и садились красавцы «Боинги», сверкая на солнце идеально отполированными, совершенными по своей конструкции, фюзеляжами.

Да, за граница есть за граница, тут не поспоришь. К моему изумлению и изумлению моих спутниц, нас подвезли к небольшому, зачуханному самолетику, явно «местного разлива».

Девы негодуяще вспылили. Одна из них стремительно подошла к сопровождающей нас кривоногой проводнице и надрывно стала выяснять причину столь неуважительного обхождения с их персонами. При этом она бросала злобный взгляд в мою сторону. Я тихонечко спрятался за спину одной из жриц любви, как будто меня здесь не было и я здесь не причем. Теперь до меня дошло, что означали слова «скромного чукчи». Значит, нормальный самолет нам не нашли и подогнали, забытый богом и людьми, данный тарантас. Словом, лишь бы отвязаться. Я пожалел об отданном долларе. Отношения были выяснены. Скандалистка недовольно сплонула и ринулась по небольшому трапу в салон самолета. За ней потянулись все остальные. Чужих пассажиров с нами не было.

Затерявшись в толпе, глазами я нашел Машу. Быстренько, как партизан, прокрался к ней и спросил:

– Извините, Маша, вы не в курсе, что произошло?

Маша, не избалованная заграничным сервисом, спокойно улыбнувшись, ответила:

– По-моему, это просто местная авиалиния.

Все были налегке и быстро расселись по приглянувшимся местам. Я же, с убогой своей сумкой, к которой к тому же была пристегнута выдавшая виды кожаная куртка, никак не мог пристроиться.

Затем, найдя классное место в конце салона, уселся.

Самолет, конечно, был неказистым. Я вспомнил, как, будучи в городе Баку, в Азербайджане, нас возили на немыслимо грязных и раздолбанных экскурсионных автобусах. Даже

наши московские автобусы общественного транспорта, по сравнению с азербайджанскими, выглядели идеальными. Разница же между этим самолетом и самолетом, в котором мы летели до Сингапура, была более значительная. Как между автобусом для интуристов и бакинским автобусом.

Опять, уйдя в тень с пьедестала руководителя группы, я немного успокоился. «Лишь бы долетела эта развалюха куда следует, а там и трава не расти», – думал я.

Раз есть пара летчиков, спины которых я видел, заходя в самолет, и пара бортпроводниц, приветливо и спокойно встречавших нас у входа в самолет, значит, они уверены в надежности этой машины. Можно спокойно лететь и ни о чем не думать. Я хотел засечь время вылета, но с ужасом обнаружил, что часы остались в гостинице, в ванной. Я их снял, когда принимал душ перед выходом, и забыл надеть. Жалко, лет пятнадцать они служили мне исправно, отсчитывая время моего существования, взлетов, падений и минут счастья. Холодок прокатился по сердцу. Я как будто бы потерял одного из верных своих друзей, никогда не подводившего меня.

Ну да ладно, хрен с ними, может быть, это и к лучшему. Ведь надо же бросать монетки в море, чтобы опять вернуться в желаемое тобой место. А я целые часы бросил, вернее, оставил. Значит, обязательно опять посету красивый Сингапур. Так или иначе, все к тому и идет.

Самолет, трепыхаясь всем корпусом, разбежался по взлетно-посадочной полосе. Набирая высоту, несколько раз упал в воздушные ямы, от чего захватывало дух и повизгивали девчонки, и завис над бесконечным Индийским океаном, словно не двигаясь. Однако лопасти мотора, которые были видны в иллюминатор, лихорадочно вращались, перемалывая воздух, и тащили корпус самолета с пассажирами к неведомым нами островам.

Наскоро перекусив незатейливым обедом, предложенным обслугой, я спокойно заснул, измученный предыдущими бессонными ночами. Мне снились некоторые из моих красавиц, с которыми у меня закрутилась во сне фантастическая любовь. Мне снились девицы, стоящие рядами, все поголовно рылись в чемоданах, стоя задом ко мне и не имея трусиков. Итальянки и негритоски помогали мне. Среди них была Наоми Кемпбелл. Во сне я никак не мог удобно устроиться с партнершей. И вот, наконец-то, Машенька раздвинула свои прелестные ножки. Она плавно, навстречу мне, начала качать всем станом, как бы приглашая к совокуплению. Взглянув ей в лицо, я вдруг обнаружил, что это была злобная и противная немка, которая ржавым голосом стала громко скрежетать, отчего я проснулся, так и не сделав желанного дела.

Ровный гул самолета иногда заменялся скрежетом, доносившимся от мотора на крыле. Стюардессы, видно, что испуганные, но спокойные, пристегнутые ремнями, сидели на откидных сидениях, спиной к кабине пилотов и лицом к салону. Пассажирки нервно елозили в креслах и глядели в иллюминаторы.

Не понимая, в чем дело, я выглянул в окно. Под нами так же, как и прежде, простирался бескрайний океан. Сколько времени мы летели, я не знал, часов не было. Беспокойство тут же охватило меня. Незаметно подкрадывался страх.

Двигатель самолета работал с перебоями, иногда захлебываясь и замолкая, а иногда наоборот, бешено взрывался мощным гулом и скрежетанием.

«Это конец, – вертелось у меня в голове, – долетался». И на хрена я согласился на это путешествие?! Я уже представлял, как по телевизору передают в новостях о пропавшем в Индийском океане самолете, на борту которого, возможно, находились российские граждане, фамилии которых уточняются. Жена сначала будет терпеливо ждать моего возвращения, матюгая за задержку, затем начнет думать, что я в райских кущах южных стран закрутил любовь со своими «блядьми», как она окрестила моих туристок. А потом ей позвонит Сашка, выразит свои соболезнования по поводу моей преждевременной кончины и подкинет, наверное, немного денег. Та зайдетесь воплем: «На кого ж ты меня покинул», – немного погорюет о супруге-неудачнике и найдет какого-нибудь крепкого работягу, не связанного с кино и коман-

дивовками, выйдет замуж и будет мучиться от его постоянных пьянок, вспоминая своего, хоть и невезучего, но доброго и непьющего мужа.

Самолет явно был неуправляем. Длительный полет я для себя объяснял тем, что пилоты выжигали керосин, чтобы совершить экстренную посадку. Но почему-то внизу не было земли. У меня тут же родилось предположение, что из-за неисправности рулей управления летчики вынуждены были лететь по прямой, вместо того, чтобы искать сушу, и наверное рассчитывали дотянуть до известного им аэродрома, находящегося на этом векторе движения. Наихудшие предположения начали подтверждаться, когда бледная от страха стюардесса предложила надеть спасательные пояса, показывая принцип их эксплуатации. Кровь из конечностей отхлынула в голову и гулко пульсировала в висках. От волнения дрожали и не слушались руки. Было впечатление, что это продолжалось вечно.

Внезапный сильный крен заставил всех железной хваткой вцепиться в поручни кресел. Самолет юзом пошел вниз. Я ощутил неприятное чувство невесомости подобное тому, которое испытываешь, когда прыгаешь с большой высоты и душа уходит куда-то выше головы, оставляя в тебе только сковывающее ощущение брэнности твоего тела и его незащищенности.

Длительные минуты падения и ожидания гибели перемешались с мигмом соприкосновения с земной твердью и всепоглощающими последствиями нашего «приземления». Я не осознал, сгруппировался ли я как положено по инструкции при подобных ситуациях и как вели себя остальные пассажиры-камикадзе.

Удар о, вероятно, воду, скольжение по незримой поверхности, затем страшный скрежет и вопли девушек слились в один единый гул. Нас вырывало из кресел, мотая с огромной силой в разные стороны и с невероятной мощностью тащило вперед, разрывая тела на части. Чем и обо что я бился, уже не имело никакого значения. Корпус самолета очередной раз сильно дернулся, что-то дико оглушительно взвизгнув бухнуло сзади меня, оттуда вспыхнул яркий белый свет и мы помчались по кругу, как на каруселях, пока во что-то не уткнулись левым боком самолета, и, встав на дыбы, медленно и плавно откачнулись назад, замерли.

Меня поразила оглушительная тишина после случившегося кошмара. До меня дошло, что я остался жив.

Как показалось, все это произошло в считанные доли секунды. Тишину разорвал страшный крик истерии и воплей обезумевших девушек. Они бешено стали срываться с мест, и, мешая друг другу, буквально по головам, начали метаться по остаткам салона, ища выход наружу. Кто-то был убит или находился в обмороке. Кто-то орал навзрыд. Царила полная неразбериха.

Впереди меня сидящая до этого девушка с остекленевшими глазами изначально ринулась вперед по проходу в кучу малу, потом, осознав, что надо бежать назад, чуть не свернув покореженное рядом со мной кресло, ринулась в хвост самолета и исчезла в ярком свете, исходящем оттуда.

Обернувшись, я увидел, что там зияла огромная дыра, откуда и бил яркий солнечный свет. Слепленный им, я все-таки увидел, что мы находимся на суше.

Все остальные девушки кинулись вслед за ней. Через секунды я остался один. Встав и выглянув в дыру, я увидел вспаханный песок, переходящий в обглоданные фюзеляжем камни, и стоящих вдалеке на песке девчонок, которые смотрели на меня. Они были все в оранжевых жилетах, растрепанные и похожие на дикарей-близняшек, ожидающих какого-то обещанного им чуда.

Сбросив идиотский жилет, я пошел по проходу, осматривая салон, чтобы узнать, есть ли жертвы.

Без сознания, пристегнутая к оторвавшемуся сиденью, лежала одна из бортпроводниц. Пульс был. В одном из кресел, в обмороке, находилась англичанка. В середине, тихо пописки-

вая, плакала Маша. Я присел рядом и обнял ее, успокаивая. Она в ответ, прижавшись ко мне всем телом, разрыдалась.

Как мог, кое-как приведя в чувства оставшихся жертв катастрофы, я проводил их к выходу и помог спуститься на землю, а сам пошел к кабине пилотов.

Дверь искорежило и заклинило. Из-под нее вытекала густая черная кровь. С трудом отогнув кусок двери, я обнаружил, что кабины не существовало. Ее расплющило о скалу вместе с экипажем. Я был шокирован. Подкатилась к горлу тошнота.

Зачем-то прихватив свою сумку, я выпрыгнул на улицу и, пятась задом, смотрел на останки нашего самолета, представляя, как это все произошло. Вероятно, летчики хотели, немного проскользив по воде, выскочить на песчаный берег, благо самолет был легкий. Но, не рассчитав скорость, которая была велика, и проехав по песку, они вылетели в зону скалистого берега. Задев берег правым крылом, самолет развернулся на девяносто градусов и уткнулся кабиной в скалу. Левое крыло согнулось от удара об огромный валун, не дав дальше крутиться корпусу, плавно погасив его инерцию движения. А оторванный вместе с крылом, работающий правый двигатель, отрубил хвост самолету, организовав огромный выход для потерпевших и чуть не убив меня. Багажное отделение, которое находилось внизу и немного сзади, срезало и истерло о камни. Так что девушки остались только в том, что было на них одето. Но это не беда – благо мы не разбились и не произошло пожара, и все остались живы. Все-таки есть Всевышний.

Я подошел к девчатам, уселся на свою сумку, обхватил голову руками и, ничего не слыша, стал думать, глядя в песок, что скоро прибежит сюда куча народа. Как-то надо будет сообщить властям о случившемся и ожидать прибытия другого самолета или катера. Нет, самолета лучше не надо. Наверное, все-таки надо дождаться людей и договориться об отдыхе и медицинском осмотре группы после такой встряски. «И это точно будет за счет этой уродской авиакомпании», – злился я. Хорошо бы здесь оказался приличный отель.

Меня дернули за рукав. Передо мной стояла одна из ненавистных мне сук и, жестикулируя, истерично что-то орала, указывая куда-то в сторону. Глаза ее были размазаны по всему лицу. Я понял, что отойти от стресса и ждать помощи здесь мне не дадут. Нужно самому отправляться на поиски цивилизации. Оглядевшись, я обнаружил, что, оказывается, у моих ног плескалось ласковое прозрачное море, кипя на горизонте белыми бурунами. Дороги от пляжа видно не было. Только огромная скала, вероятно тектонического происхождения, вздыбилась черной голой верхушкой в небо. Практически вплотную к песку росли настоящие джунгли.

Мне не представлялось, где я обнаружу начало дороги, ведущей к населенному пункту. Но делать было нечего. Неужели они не понимали, что я пережил то же, что и все остальные, и что мне плохо. Повесив на плечо свою ношу, – все равно девки ее бросят и не будут за ней следить, чтобы не уперли, – вздохнув, я, молча и устало, поплелся куда глаза глядят, ощущая на себе взгляд тридцати двух пар не любящих меня глаз. Две дурочки-стюардессы, которым нужно было бы идти вместо меня на поиски людей, так как в какой-то степени и они тоже были виновниками случившегося, остались в толпе девиц.

Нужно было бы их взять вместо переводчиц, но да ну их к черту. Баба с возу – кобыле легче.

Судьба сохранила мне жизнь, чтобы очередной раз сыграть со мною злую шутку.

Я долго шел по песку, на котором не было ни единого следа, ища глазами начало хотя бы мало-мальски заметной, необходимой мне тропинки. Джунгли, по левую от меня руку, стояли непроходимой плотной стеной. Обогнув, преградившую путь, небольшую скалу с низвергнувшейся в океан каменной россыпью, я увидел перед собой огромный, уходящий в бесконечность, красивейший пляж. Песок, как пух, затягивал мои ноги по щиколотку. Мне пришлось разуться, чтобы не натереть ноги от засыпавшихся в ботинки крупных круглых песчинок. Догадка, что сделал это я напрасно, явилась в секунду. Песок горел, как раскаленная сковорода. Быстро перескакивая с одной ноги на другую, я вертел головой в поисках живых существ или строений. К сожалению, здесь тоже было безлюдно. Подпрыгивая как козел, я помчался к остужающей воде. Стало ясно, что идя к горизонту не имея ориентира, я могу так дойти и до Южного полюса, никого не встретив на своем пути. Поэтому было принято правильное решение – забраться на скалу, находившуюся у первого пляжа, и наметить маршрут следования к какому-нибудь самому большому строению, крышу которого, вероятно, легко будет рассмотреть с ее вершины.

Сориентировавшись по солнцу, чтобы не заблудиться, я решил штурмовать джунгли, предварительно опять одев ботинки.

Вернувшись назад, я зашел в первый попавшийся незначительный просвет среди бесчисленного множества стволов всевозможных пальм и неведомых мне деревьев. Лопухие и мечеобразные колючие листья кактусов преграждали дорогу только в начале моего пути, затем исчезли.

Под кронами экваториальной растительности было душно, сумрачно и влажно. Переплетающиеся корни и поваленные деревья, торчащие и валяющиеся на каждом шагу, поросли склизким моховым покровом, тут же съезжающим от прикосновения, открывая коричнево-черную плоть влажного ствола дерева. Там, где попадались клочки земли, все хлюпало, и из-под подошв ботинок выступала гнилая влага. Бесчисленные насекомые копошились повсюду. Было противно думать, что сейчас какая-нибудь мерзкая тварь заберется мне под одежду или в обувь и, не дай бог, укусит.

Я застегнул рубашку на все пуговицы и опустил скатанные рукава. Где-то что-то чирикало, свиристело и порхало. Стояла невыносимая вонь. Жуть, охватившая меня с непривычки, потихонечку улетучивалась, и я стал адаптироваться к окружающей среде. Я вспомнил книгу про одного английского авантюриста, который, в поисках алмазных копей в Гайане, попал в

подобную ситуацию и выжил, блуждая по джунглям более месяца. Но там ему на пути попадались и бандиты, ранившие его, и аллигаторы, чудом не сожравшие путешественника. Я же, как мне думалось, попал в несколько другую ситуацию. Здесь, все-таки, зона отдыха и всех ненавистных человеку тварей извели. Однако все равно начал внимательно смотреть по сторонам и под ноги, чтобы не столкнуться со змеей. Змеи уж точно здесь водятся. Заметил несколько ящериц, метнувшихся под корни деревьев, и огромных тараканов, ползающих по стволам. Вверху перелетали с дерева на дерево какие-то птицы. Другую живность я надеялся увидеть по дороге.

Так, представляя себя пионером-первопроходцем, следопытом и Чингачгуком, я целеустремленно двигался вперед, не ощущая ни времени, ни усталости, ни голода.

Первые признаки подножия горы встретили меня огромными пористыми каменными глыбами. Ну и это радовало. Значит я на верном пути.

В конце концов, я начал в некоторых местах карабкаться по, чуть ли не отвесным, плитам, где-то находил обходные пути вокруг них. Лес потихонечку редел. Стали попадаться плодоносные деревья. Плоды явно были съедобны. Я заметил и мелкие бананчики, гроздьями висевшие на листообразных пальмах, и какие-то колючие и мохнатые фрукты других деревьев, которые, мне кажется, я видел у нас в гастрономе у дома, и кокосы. Попадало что-то, напоминавшее не то грушу, не то огурец. Но это меня не касалось, я не собирался пробовать эти экзотические дары природы, не зная последствий дегустации. Попробуем в гостинице или, в крайнем случае, куплю на рынке, точно зная, что это есть можно. Наконец-то, тяжело дыша, я вылез из чащобы. Солнце, не столь уж яркое, ласкало небольшую лужайку, поросшую густой зеленой травкой. Оставался последний рывок – забраться на скалу, которая венчалась, как стало ясно, плоским плато.

Из низины, куда я попал, округи видно не было. Полукругом по ее краям с одной стороны росли деревья, с другой величественно возвышался черный силуэт вершины горы. Хотелось пить. Отдышавшись, я начал искать возможные пути дальнейшего подъема на вершину.

Угловатые грубые камни, оцетинившись, повсюду загораживали мне дорогу, не давали прохода. Наверное, я потратил несколько часов, чтобы где-то на четвереньках, где-то ползком или цепляясь за выступы камней, обойти это природное сооружение. Наметив несколько возможных вариантов взятия вершины, я сомневался в успехе. Чтобы туда забраться, нужно было бы быть, по крайней мере, альпинистом или, на худой конец, гимнастом. Единственная, более или менее реальная возможность – это одно место, где висели лианоподобные корни какого-то растения, живущего на краю вершины этой скалы. Но обстоятельства усугублялись тем, что под корнями зияла огромная пропасть-развал. И, в случае неудачи, можно было туда преспокойно ухнуть. «Семи смертям не бывать, а одной не миновать», – решил я и пошел по единственно возможному пути.

Потрогав ногой край пропасти, чтобы не обвалиться, я ухватился за ближайшие корни. Меня немного качнуло из стороны в сторону, от чего захватило дух, но не скинуло вниз. Собрав всю свою силу и ловкость, я полез вверх. Видно, внизу корни приросли к краю обрыва, и поэтому раскачивался я не так сильно, а переплетения корней между собой были настолько густы и крепки, что я лез по ним как по огромной рыболовецкой сети с большими ячейками. Назад тянула сумка. Я даже не сообразил, что ее надо было бы оставить внизу, но возвращаться было поздно, тем более, что все проходило удачно. Там, наверху, оказалась небольшая лощинка, в которую я пролез и, отпустив корни, облокотился руками, чтобы перевести дух.

Платформа, поросшая рваными клочками травы, была практически идеально ровная. Напрягшись из последних сил, я обхватил рукой корявое деревце, корни которого мне помогли сюда забраться, перевалился всем телом через край плоскости и замер в лежачем положении. По сторонам плыли облака.

Отползая на безопасное расстояние, я поднялся на ноги, чтобы оглядеться вокруг. Но сумерки, оказывается, настолько сгустились, что, кроме темно-зеленой массы, окружающей скалу, ничего видно не было.

Сколько же времени я потратил на свое путешествие? Целый день. Давненько я таких походов не совершал! Интересно, что сейчас обо мне думают девушки? Да, наверное, их уже нашли и сейчас они, приняв душ, ужинают в какой-нибудь фешенебельной гостинице, а я здесь, у хрена на рогах, умирающий от жажды и голода, один торчу, как лом в говне. Эти клячи, скорее всего, усмеются надо мной, не сожалея о потере. И им по фигу, где я и что со мной. Грустно. Огоньков жилья так же не было видно, да и вряд ли их свет мог пробиться сквозь густую растительную завесу. В темноте спускаться было невозможно, да и незачем. «Пережду до утра, – подумал я, – утречком огляжусь и вперед, с песней. Здесь и ночевать будет безопаснее».

Расстелив куртку на одном из пяточков травы (хорошо, что захватил ее с собой, а не бросил внизу!), я улегся, положив под голову сумку, и тут же заснул, утомленный таким героическим переходом.

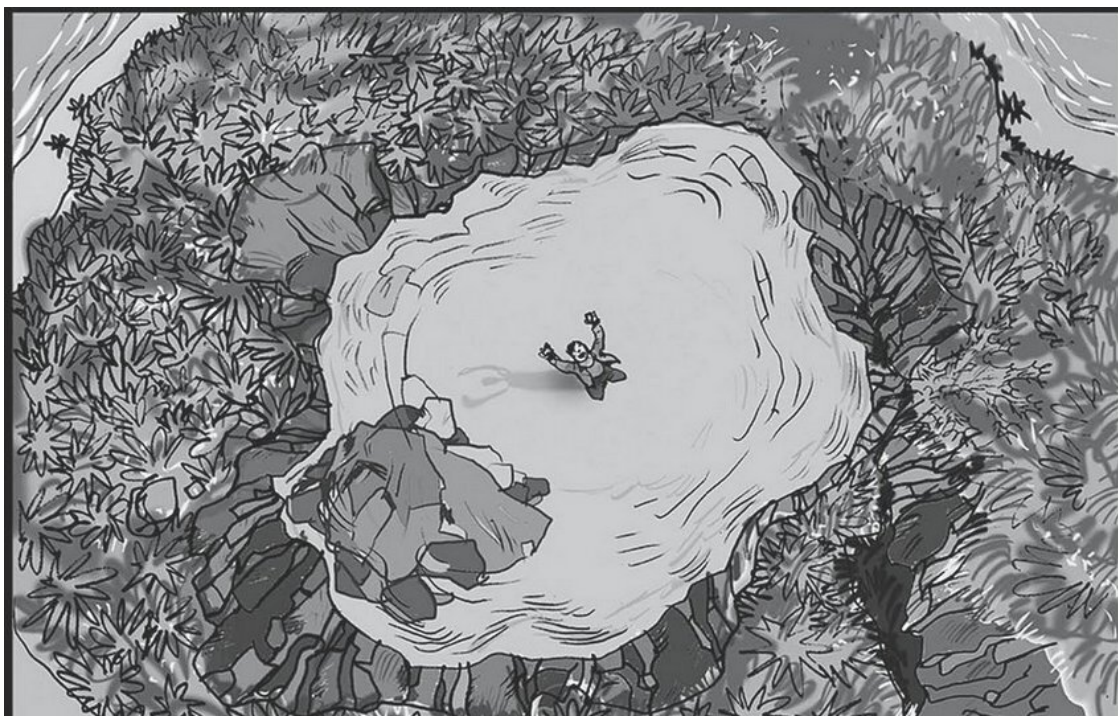
Разбудил меня разразившийся тропический ливень. С неба, как из ведра, лились потоки воды, от которых бесполезно было укрываться. Я промок до нитки сразу. Натянув на себя не менее мокрую, чем сам, куртку, я прислонился спиной к лежащему рядом валуну, обхватил руками колени и стал ожидать конца потопа. С неба лились теплые струи дождя и особых неприятных ощущений мне не доставляли. Я задремал.

Яркое жаркое утреннее солнце разбудило меня, так и сидевшего на корточках у камня. Куртка сверху уже подсохла, подсохло и плато. Сняв куртку и разложив ее для дальнейшей просушки, я потянулся и решил для начала обойти свое убежище. Оно имело достаточно значительную площадь. В одном месте я увидел незамеченное вчера в сумерках возвышение, которое походило больше на вигвам, чем на каменную глыбу, и, что самое интересное, оно было полое внутри. Видно, постоянно присутствующий здесь ветер не без участия дождя выдул из твердого камня мягкие породы, создав такое чудо природы. Если бы знать, что оно здесь существует, вряд ли бы мне пришлось целую ночь мокнуть и мучиться на улице. Но это уже не принципиально.

Сейчас огляжусь и полезу вниз. Однако мой страдающий взгляд засек недалеко от входа в пещерку блюдцеобразный идеально отполированный все той же природой камень. В нем, как в чаше, размером с полметра, блестела дождевая вода. Мне тут же захотелось пить. Сделав несколько шагов, я упал на колени и прильнул к живительной влаге. Понимая, что этого делать нельзя, я все равно досыта нахлебался безвкусной воды, уверяя себя, что никакие паразиты не успели здесь завестись, да и сопротивляться требованию организма было бесполезно. Утолив жажду, я бодро разогнулся, готовый для дальнейших действий.

Обходя по периметру плато и осматривая окрестности, я все больше и больше убеждался, что внизу в округе нет признаков жилья, а суша, куда нас занесло, не материк и даже не полуостров, а небольшой островок. От неожиданного открытия у меня подкосились ноги. Растерявшись, я присел на корточки, а затем и вовсе свалился на задницу. Меня залихорадило.

Вокруг простирался бесконечный океан без намеков присутствия, хотя бы на горизонте, каких-либо островов, пусть даже похожих на этот маленький островок. Отчаянные рыдания вырвались из моей груди наружу и эхом прокатились над всем островом.

Весь в мыслях, что же с нами будет дальше, не замечая трудностей и опасностей, я спустился вниз, чтобы побыстрее донести до всех эту страшную новость. Единственное, на что я мог надеяться, так это на то, что нас вели радары и пилоты перед гибелью сумели передать координаты острова и места падения. Сейчас уже должны были идти сюда спасательные суда. Я думаю, задействовали и авиацию. Нужно срочно подготовить костер, разложить спасательные жилеты крестом. В общем, сделать все возможное, чтобы нас заметили издалека. Еще нужно самолет обшарить, может быть была на борту запасная радиостанция. В кабине точно ничего не уцелело. Эти туземки-стюардессы могли бы и подсказать, что у них придумано на случай крушения.

Спрыгнув с очередного камня, я увидел под ним начало ручейка. Это был родник. Вода была холодна и кристально чиста. Попив воды в жару один раз, пить хочется постоянно. Забыв о предосторожностях, я принялся к источнику. Заломило зубы и, остужающая горящие внутренности, жидкость наполнила жизнью мое тело. Ручеек бежал вниз, и я решил проследить его дорожку, чтобы, на случай долгого ожидания спасателей, не умереть от жажды.

Ручей, набравший силы и попутно прихватив мелкие частицы джунглей, сквозь которые он сумел пробиться, бежал по каменистому руслу, заканчивая свой путь недалеко от места гибели нашего самолета.

Я вышел на знакомый мне берег. Он был пуст. У меня мелькнула бешеная мысль – помощь была и девушек забрали. Но не может быть, чтобы они не сообщили обо мне.

Очень сильно хотелось есть. Желудок просто раскалывался от голода. Чтобы не мучиться, я решил заскочить в самолет, там должно было что-то остаться от вчерашнего обеда, а затем пойти искать спасателей или следы их пребывания. А может, девчонки еще здесь.

Остатки корпуса самолета волнами и приливами оттащило от берега довольно-таки далеко. Еще день-два и он навсегда исчезнет под водой.

Я пролез в боковую дверь, оказавшуюся почему-то открытой, и обнаружил разбросанные и растоптанные остатки пищи и упаковок от нее. Пустые пластиковые бутылки от воды со следами губной помады на горлышках валялись повсюду. Получалось так, что до меня здесь побывали варвары-красавицы, утолив свой голод и жажду. Поживиться было нечем. Тем более,

что сюда уже забрались мелкие крабы и крабики и уничтожали остатки как пищи, так и пилотов. Стоял запах разлагающихся тел.

Обшарив все закоулки, я набрал в большой пластиковый мешок все съедобные, на мой взгляд, объедки, немного предварительно перекусив ими. Нашел даже два целых пакета риса. Все это я запрятал наверху, продуваемых ветром, камней, возвышающихся над корпусом самолета, куда вряд ли, по моему предположению, могли забраться насекомые и прочая мелочь. Там даже мух сдувало. Затем, вернувшись, собрал всю утварь, которая могла бы пригодиться в случае неудачи со спасателями. В нише одного из камней, обращенной к морю, осели моя сумка и все найденные ножи, вилки и ложки, все железки, которые можно было вытащить из самолета, кастрюлька, почему-то оказавшаяся там, брезент, чехлы, жилеты, металлический штырь, осколки стекла, кусок обшивки, даже оторванное кресло и большой шмат полового покрытия, – словом, все, что возможно было вытащить оттуда. Радиостанций никаких не было.

Каким-то третьим, пятым или десятым чувством я ощутил, что помощи не было и нужно было готовиться к худшему.

Еще раз немного перекусив и запив остатками воды из бутылки, которая была обнаружена в сетке одного из кресел, я завалил камнями железо, разложил сушиться пищу, чтобы та не протухла, и подался на поиски своих сестер по несчастью.

Осмотр здешнего пляжа показал, что девицы долго находились здесь, и участь ночного ливня их также не миновала.

Как Шерлок Холмс, исследуя мельчайшие детали, попадающиеся в поле моего зрения, я рисовал себе картину происходящего в мое отсутствие:

- вот они боялись подойти к останкам самолета;
- вот они приводили себя в порядок;
- здесь они укрывались от солнца, а здесь от дождя;
- вот место обеда и так далее...

Постепенно я добрался до камней, являющихся границей между малым и большим пляжами. По уже знакомым камням я пробрался почти до второго пляжа и замер. Перед моим взором предстала картина жития первобытных людей. Все девушки были без одежды, как дикари южных широт, и каждая занималась своим делом. Кто-то сосредоточенно принимал омовение в океане, кто-то спал или просто лежал. Одни бесцельно или, что-то ища, бродили по песку, другие лопали какие-то фрукты. Значит, сориентировались и не побрезговали местными плодами. Они были идеально сложены и красивы. Отсутствие краски на лицах и одежды на теле сделало их совершенно неузнаваемыми. Обнаженные грации зачаровывали и «заводили» меня. Нужно было выходить из убежища, но я не знал, как это сделать. Брюки, в районе ширинки, колом вздыбились под давлением природного инстинкта, страсть охватила мое сознание. Поправив «хозяйство», я вышел из-за камня и негромко крикнул. Мигом часть девушек побежала в мою сторону, на ходу одеваясь или прикрываясь, кто, чем мог.

– Владимир, – услышал я русскую речь, – а мы и не надеялись вас дождаться. Где люди? Куда мы попали? – это на ходу кричала одна из русских девиц, какая именно, было трудно догадаться. Ее платье было надето только на верхнюю часть тела и из-за бега ниже не желало опускаться. Рядом бежали и что-то выкрикивали иностранки. Некоторые из них были абсолютно обнажены, как будто так это и должно было быть.

Я поднял руку, остановив всеобщее движение, и громко произнес:

- Мы на необитаемом острове.
- Как вас зовут? – обратился я к соотечественнице.
- Таня, – послышался голос Маши. – Ее зовут Таня.
- Галя, вы английский знаете?
- Да, – прошептала испуганная «Таня-Галя».

– Сообщите громко всем, что мы на необитаемом острове, что нужно быть мужественными и терпеливыми. Нас ищут и скоро, я уверен, найдут. Мы должны сложить костер, выложить крест на пляже из жилетов и других вещей. На этот случай существует множество рецептов...

Впервые меня прорвало – я начал нести околесицу, забыв о том, что практически никто не знает моего языка. При очередном вздохе, чтобы набрать побольше воздуха и продолжить свою речь, я услышал слезливый голос Тани:

– Я столько не знаю.

Опомнившись, я ей предложил перевести то, что знает и отвернулся от устремленных на меня и мое переднее место любопытных глаз.

Реакция была неоднозначна и разнообразна. Со мной остались только «наши». Третью девушку звали Олей.

– И что теперь с нами будет? – спрашивали они. – Как скоро нас найдут?

Они смотрели на меня глазами бездомных собак. Я же по-отечески успокаивал их. Они рассказывали, как провели эту безумную ночь, как пытались звонить по мобильным телефонам, как отчаянно ругались и спорили и в конечном итоге смирились с судьбой и затихли. Две стюардессы, оказывается, ушли на поиски людей и пока не вернулись. Достаточно долго прообсуждав случившееся и взвесив все «за» и «против», мы выработали план действий. Для начала мы решили построить шалаши и организовать систему сигнальных костров и знаков. Обсудили вопросы кормежки.

Девчонки были назначены агитаторами и моими ближайшими помощниками. С трудом они сагитировали почти всех и я, подавая пример, первым приступил к созиданию жилища.

Дожди шли каждую ночь. Наш сарай укреплялся и обживался. Только несколько девиц, включая недовольную немку Гретту, брезгливую англичанку Элизабет и независимую американку Кесиди мы не сумели приобщить к коллективному творчеству. Их убогие хибары стояли невдалеке от основного шатра-общезития.

Однако костры горели исправно днем и ночью при участии всех жителей острова. Но со временем дрова в прибрежной зоне стали заканчиваться. От однообразной пищи мы начали тошнить. И в лагерь не спеша стали пробираться раздражение и недовольство.

Девушки-стюардессы, поблуждав два дня, вернулись ни с чем и оказались одними из самых приспособленных, к жизни в условиях необитаемого острова, людей. Вместе с ними я стелил крышу нашего жилища, охотился за рыбой, собирал фрукты и распознавал, что здесь можно кушать, а что нельзя. Море и лес голодными нас не оставляли.

Высушенные остатки самолетной пищи я прятал, как деликатес, не открывая тайны их существования, а питался вместе со всеми морепродуктами и плодами леса. Мидии и крабы были основным мясным рационом, бананы и манго – десертом.

Шли дни, а к нам никто не плыл, нас никто не искал. В сознание закрадывалась горькая догадка, что если и были поиски, то уже закончились. Теперь придется только ждать, надеяться и верить.

Дни пребывания на острове начинали терять счет. Мы привыкали друг к другу и к неизбежности такого существования. Девушки уже не были надменными, как раньше. Днем они держались, в основном, языковыми группами, а ночью плотно спали все вместе, исключая отселившихся. Мне тоже приходилось спать в общей куче, хотя я и порывался смастерить свой шалашик. При совместном проживании, естественно, приключались и всевозможные казусы, но в основном было тихо и уютно. Мужское мое начало, все-таки, играло некую авторитетную роль в этих условиях и в какой-то степени, понемногу, выдвигало меня на роль лидера.

Весь день мы трудились, благоустроивая свою жизнь. И чтобы не было скучно, мы изготавливали из бамбука разнообразные, необходимые для быта, приспособления – лежаки и скамейки. Самыми неутомимыми труженицами были японки. Вечерами мы жгли костры и тосковали о родных и о доме. Мне кажется, что именно недостающие элементы нормальной жизни стали первопричиной раскола нашего общества.

Довольно долго мы жили в мире и согласии. Все съестное приносили к главному костру и щедро делились друг с другом добытым. Я научился хорошо лазить по деревьям, удачно накалывать на дротик рыбу и слыл основным добытчиком, за что пользовался заслуженным уважением соплеменниц.

Бока и животик исчезли, мышцы окрепли. Бронзовый загар поставил точку в формировании моего тела. Я начинал считать себя Апполоном.

Далеко, в глубь острова, заходить мало кто решался. А впрочем и нужды особенной в этом не было. По рассказам индонезиек, весь остальной берег представлял собой скалистые отроги, о которые разбивались бесконечные волны океана, по центру красовалась гора, а вокруг была густая растительность, так что наш пляж был самым удачным местом обитания.

Единственный я иногда совершал дерзкие вылазки в джунгли, выслеживая кабана и его семейство, с которым однажды столкнулся в лесу. Как-то, набрав воды из родника и перетаскивая ее к стоянке посредством уцелевших от прошлого пластиковых бутылок и не прохудившихся спасательных жилетов, используемых в качестве бурдюков, я встретил эти кучи бегающего мяса, и с тех пор желание хорошо пожрать не покидало меня ни на минуту.

Я много делал для общества и общество отвечало мне взаимностью.

Для нашего племени я соорудил из алюминиевой обшивки самолета чан, где хранилась родниковая вода вперемешку с дождевой, таскал тяжелые бревна, придумывал приспособления, облегчающие жизнь. Девчонки в большей степени занимались благоустройством жилья, пытались готовить пищу. Огонь изначально мы высекали из оставшихся у девочек зажигалок, затем пользовались линзами оптических очков, которые были обнаружены у одной из подруг.

Самолет давно похоронили волны и ничего не напоминало о цивилизации, кроме потрепанных остатков одежды и некоторых, замусоленных и ободранных, дамских сумочек, служивших нам мешками для сбора провизии.

В одну из грозных дождливых ночей, когда сильно похолодало, а на острове мы находились уже не менее месяца и все спали пока еще на подстилках из пальмовых и тростниковых листьев, ко мне прижались, чтобы не замерзнуть, мои верные помощницы Маша и Оля. Маша, согрившись, заснула, по-детски засопев, а Ольга, наверное, дождавшись этого момента, вдруг с силой притянула меня сзади, заставив развернуться.

Понятно, что я постоянно думал об «этом», но моя нерешительность в сексуальном вопросе заставляла меня мучиться и сдерживать свое естество. Однако я не предполагал, что все решается так просто и без всяких «прелюдий». Ольга, как пиявка, впилась в мои губы и, засопев, полезла в мои сокровенные места. Потеряв разум, я лихорадочно стал ощупывать, уже изученные прикосновениями при общественном житье, груди, попу, ноги. Весь пылая страстью, хотел было слиться в любовном экстазе с жаждущей девушкой, как вдруг мысль о СПИДе вернула меня на землю, и холодный рассудок остановил мои развратные действия.

– Что такое? – тяжело дыша, с обидой в голосе спросила Оля. – Неужели ты меня не хочешь?

– Презерватива нет, – боясь своих слов, прошептал я в оправдание.

– А мы аккуратны. Ну что же ты? – тихо лепетала она, возбуждая меня.

– А если СПИД? – так же тихо ей в ухо буркнул я, испуганно понимая, что сейчас все испорчу.

В темноте надо мной заблестели глаза Ольги.

– У тебя?

– У меня нет, у меня жена. А я же не знаю, с кем ты... ну, до этого, – добавил я, сгорая от стыда за глупые свои слова.

Она откинулась на спину, вымолвив: «идиот», – и, как бы между прочим, разочаровавшись в моих умственных способностях, подробно рассказала мне о том, что монашеская жизнь была одним из условий участия в конкурсе, что их раз двадцать тестировали на всевозможные заболевания, включая вирус иммунодефицита, и длительное время строго охраняли от подобного рода соблазнов. И что я первый мужчина, который мог бы всех их, изголодавшихся красоток, поиметь еще в Сингапурской гостинице.

Еще раз сказав, что я идиот, Ольга, словно клещ, вновь вцепилась в мое брэнное тело с намерением выжать из него все, что было возможно. Я был не против. Думаю, что в шалаше не спали не только одни мы.

Мне казалось, что я полюбил Ольгу. Утром я бросал на нее влюбленные взгляды, оценивая ее крепкие ноги и красивые бедра. Часто подходил к ней безо всяких на то причин.

В этот же день, зайдя в лес, чтобы найти топливо для костра, я нос к носу столкнулся с итальянкой. Не успев опомниться, я был опрокинут на землю ее стремительными объятиями. Сидя на мне верхом, она сорвала с себя полуистлевшую на солнце рубашку, открыв огромную смуглую грудь, и в бешеном темпе начала раздевать меня.

Этой ночью я был уже заряжен на любовь, и вместо сопротивления, красавица получила желаемого вдвое больше, чем Оля. Визуальное осязание сногшибательного тела удвоило мою энергию. Так начиналось мое моральное разложение, но так же и начиналось самоутверждение меня как мужчины. А может, это была просто участь самца в стае самок.

Постепенно, самыми немислимыми образами и при нелепейших иногда обстоятельствах, мне пришлось переспать со всем племенем. Вероятно, информация о моем безотказном желании из уст в уста передавалась, и девушки с удовольствием пользовались моей услугой, словно каждая была обязана это сделать, как медицинский осмотр.

Встав над обществом, я утратил бдительность и чувство меры. Не подходивших ко мне и не требующих любви, молчаливых японок я вызывал по очереди в хижину, когда мне хотелось чего-то новенького, и я был готов к любви и сексу. Я делал свое дело, зная, что в этот момент кто-то из девчонок подсматривает за нами в щель тростниковой стены. Но мне уже не было стыдно. Скорее, было безразлично.

Нетронутыми остались несгибаемые отселенки, вероятно, это было выше их достоинства, и индонезийки-стюардессы, трогать которых я боялся во избежание заболеваний, которые они могли носить в себе. Здесь инстинкт выживания работал четко.

Мужской организм не всемогущ. В течение последующих месяцев, удовлетворив себя с избытком, я начал сторониться женского общества. Они же, всеми доступными им способами, пытались достать меня. Ко мне, как к вождю племени, приносились разные дары суши и моря. Устраивались танцы живота. Подползали ко мне задом, открыв все свои прелести. По-звериному дрались между собой, чтобы стать любимой женой. Но в большей степени все это было напрасно. Только я сам, желая, когда и с кем провести время, мог себе выбрать партнершу, подкормить ее неприкосновенным запасом из своих тайных кладов и облагодетельствовать в соответствующем плане.

И вот настало оно – время разброда и шатаний, поддерживаемое распрями и конкуренцией между самками, подогреваемое обделенными отселенками.

Междоусобная ненависть и недовольство разделили нас на два лагеря.

Дожди на острове давно закончились. Я как младенец спал в своей комнатке, которую отгородил по праву старшего в общем бараке от остальных, и видел свою Москву, квартиру, сына, работу. Мне снилось все сразу, без всякого сюжета. И счастливое чувство, заполнявшее весь организм, не хотело отпускать разум из сновидения, даже когда кто-то усиленно стал меня тормошить. Была ночь. Это были мои девчонки.

– Володя, вставай, – вполголоса говорили они наперебой.

– Вставай же быстрее.

– Что случилось? – спросил я, еле различая в темноте склонившиеся надо мной силуэты и пытаясь спросонья сосредоточиться, где нахожусь.

– Тебя сейчас прибьют. Или кастрируют, – приводя меня в чувство, говорила одна из девушек и добавляла другая.

– Гретта, стерва, в компании со своими всех заводит, говоря, что ты сейчас трахаешься только с нами и лучшую еду отдаешь только нам, а остальных вообще за людей не считаешь.

– Кесиди тогда еще, оказывается, вытащила, с этими сволочными стюардессами, все спиртное из самолета и спрятала. Ты видел, они у нее на побегушках. А сегодня ночью она с Греттой и Лизкой назюзюкались, кого-то еще подпоили и давай катить бочку на нас и на тебя. Там нагородили такого, что кажется, нам не поздоровится. Есть предположение, что тебя и нас хотят или заколоть, или поймать для пыток и мучить, пока не сдохнем.

– А может и сожрут. Бежать нужно срочно. Ты понял?

Я вскочил, понимая, что все к тому и шло.

– А что, так все сразу и переметнулись на их сторону? – уточнял я положение дел, протирая глаза и крадясь, полусогнувшись, к выходу из шалаша. – Неужели и Арнелла со своими попала под ее влияние и верит во весь этот бред?

– Не знаем, – ответила Маша. – Я видела, как Арнелла что-то орала на фашистку. Я сначала подумала, что они подерутся, но потом прилетела Джессика, чего-то сказала и те вроде бы нормально разошлись. Может она с ними, а может, и нет. Непонятно.

– Ладно, сейчас никого звать не будем, нужно сматываться, – скомандовал я, взяв инициативу в свои руки.

Было видно, как на берегу горели костры, их было больше чем обычно, был слышен шум и гам, далеко разносившийся по берегу. Там происходило что-то нехорошее.

– А куда бежать? – забеспокоились девчонки. – В темноте сейчас нормального места хрен сыщешь. Кругом муравьи и тараканы. Зажрут насмерть. Страшно.

– Так, – недолго подумав, решил я открыть тайну своего плато, – у меня есть одно секретное местечко в запасе. Только о нем никто больше не должен знать. Я думаю и в темноте мы туда доберемся. Дорогу я знаю хорошо. Там переждем до утра, может все и устаканится.

Мы схватили, лежавшие у входа, палки с обожженными концами, служившие нам оружием, в темноте нашли пару каменных топоров, которые я сделал по аналогии с оружием наших далеких пращуров, и, выскочив на улицу, низко пригибаясь, бросились бежать вдоль джунглей в сторону ручья, русло которого должно было вывести мою команду из опасной зоны бессмысленной возможной гибели или жестокости несправедного гнева.

Поскальзываясь и спотыкаясь, практически ничего не видя в темноте, не произнося ни единого слова, мы забирались вверх по склону горы, ориентируясь только по журчанию ручья. Гонимые страхом, мы достаточно быстро достигли начала источника. Теперь я легко мог найти дорогу к основанию голой скалы, вершина которой должна послужить нам убежищем.

То плато давно было выбрано мною, как резервный лагерь, на случай подобных революций. О существовании этого, удачного для дислокации, места никто даже и не догадывался.

По очереди, попив воды из родника, мы полезли по каменистым глыбам и скоро оказались у подножия отвесной скалы. Светало. Громадина, как и прежде, стояла неприступной крепостью. Недолго рассуждая об опасности подъема на плато, я подвел соратников по несчастью к зияющей черной бездне пропасти и показал на корни, послужившие мне когда-то лестницей.

Маша испуганно охнула, а Таня и Оля, не раздумывая, а скорее не осознавая, что делают, одна за другой повисли на корнях деревьев и начали карабкаться как обезьяны, поднимаясь ввысь. Тела были натренированы суровыми условиями жизни. Трудностей они не замечали.

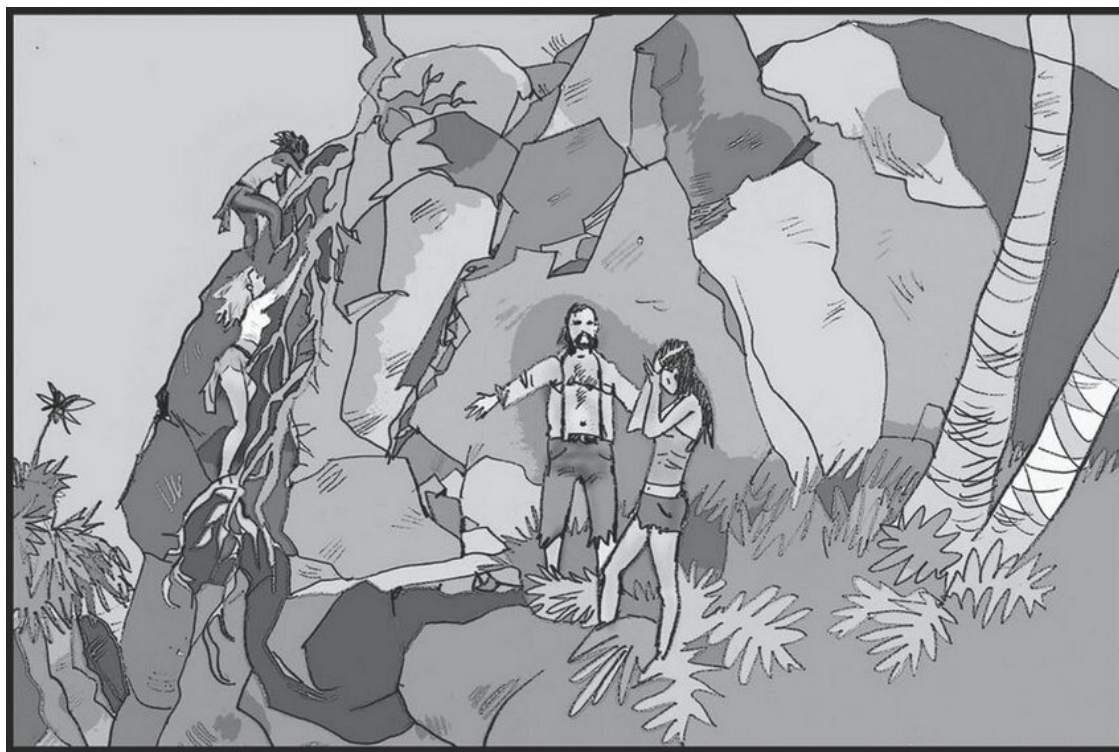
Маша же не решалась подойти к краю обрыва. В ее глазах стояли слезы. Она боялась.

Схватив ее, как мешок, я левой рукой зацепился за корни, а правой, немного перенеся девушку над пропастью, прижал всем телом к переплетениям корней. Та судорожно за них ухватилась. Этого мне и надо было.

– Всё, всё, всё, – переводя дух, шептал я, успокаивая Машу, – а теперь, не спеша, лезем вверх. Я сзади буду тебя страховать, так что не бойся.

С этими словами я ослабил правую руку, чтобы ей ухватиться за корни. Но глупая девчонка, цепляясь руками, не нашла опоры для ног и тут же, выскользнув из моих объятий, с воплем зависла над пропастью.

У меня все похолодело. Инстинктивно сжав колени, я поймал ее в районе груди и стал пытаться поднять выше, хватая ее за одежду.

Материя расплзлась, не оказывая реальной помощи, оставаясь клоками в моей руке. Тогда я железной хваткой вцепился ей в волосы и, напрягая всю свою силу, одной рукой водрузил Машу на место. Она дрожала всем телом.

Так, прижимая ее к корням, мы полезли к спасительному деревцу. На Маше остался только узкий изодранный кусочек материи, называвшийся когда-то юбкой.

Солнце поднялось высоко. Теплый ветер обдувал наши разгоряченные тела. Беспокойство переросло в усталость. Мы попадали на траву, ощущая себя в безопасности.

Немного отойдя от случившегося, я пошел осмотреть пещерку, девчонки поплелись за мной.

Каменный дом был уютен и пригоден для жилья. Лужа у входа в пещеру, как ни странно, не пересохла. Понятно, что в каменной чаше воды было достаточно много, но чтобы она сохранялась так долго – это, по крайней мере, выглядело странным. Последний дождь был дня три назад. Загадка сохранения влаги меня не сильно взволновала, важно, что у нас была вода, а это главное. Оставалось подумать о пропитании.

Присев в тени пещеры, мы стали рассуждать:

– если за нами идет охота, то они пока исследуют побережье и прочесывание свое закончат не раньше завтрашнего дня. А затем полезут на гору. На это уйдет, по крайней мере, еще один день. Значит, у нас есть два дня, чтобы запастись провиантом;

– я пойду за сухарями и за остальными вещами, спрятанными внизу, которые здесь пригодятся, а девушки будут собирать фрукты.

Подойдя к краю плато, я указал на множество плодовых деревьев, растущих по краю лужайки, расстилающейся у подножия скалы.

Татьяна впервые за последние месяцы всплила, не согласившись с моим решением. Было видно, что это нервный срыв. Она наотрез отказалась отпускать меня одного, после чего силы были распределены следующим образом: мы с Татьяной идем за сумкой и сухарями, Оля спускается вниз и набирает фрукты для дальнейшего подъема их на верх, а Маша следит, чтобы на Олю не напали и заодно охраняет единственный лаз на плато.

Все принялись за дело.

Когда мы с Таней спустились до валуна, из-под которого бил родник, то услышали голоса, доносившиеся откуда-то снизу.

– Неужели я ошибся? – мелькнула у меня мысль.

Соблюдая все методы предосторожности, мы чуть ли не по-пластунски подкрались к группе девушек, что-то бурно обсуждавших и не заметивших нас. Я уже немного понимал все наречия, на которых говорила наша, когда-то дружная, компания, однако не без помощи своего проводника узнал, что сегодня ночью произошла стычка между итальянками и немками.

Немки хотели меня убить, итальянки встали на защиту. К ним присоединились француженки, испанки и африканки. Завязалась потасовка. Неравные силы вынудили защитниц бежать и сейчас они бурно обсуждали последствия боя, остужая в ручье полученные раны и гадали, где отыскать русскую группу и вождя.

Поняв, что это «свои», мы вышли из-за камня и были восторженно, со слезами на глазах и поцелуями, встречены нашими героинями.

Эта встреча и пополнение сил помогли нам забрать весь скарб, за которым мы шли, и затащить его наверх. Заодно приволокли наверх и кресло, добытое мной из самолета. Было глупо ютиться всем в одной маленькой пещере, не приспособленной для такого количества людей. Мы решили, что плато будет служить дозорной башней и командным пунктом, каменный вигвам будет жилищем императора, то есть меня, армия, соответственно девушки, будет готовиться к войне.

«Хочешь мира – готовься к войне», – гласит древняя мудрая пословица.

Девчонки рьяно взялись за создание укреплений и лагеря у подножия горы на лужайке. Такой трудовой энтузиазм я видел впервые.

За два опущенных нам дня из бамбука выросли стены вокруг, наскоро сооруженных, хижин моих воинов. Подходы к лагерю ощетинились острыми колючками кактусов и расщепленными стволами бамбука, вертикально и под углом воткнутыми в землю. Наверху и у подъема стояли дозорные. Войско вооружалось острыми палками с обожженными концами,

заостренными под копья, каменными топорами и просто камнями. Я руководил всем этим процессом, давая ценные указания фортификационного строительства и оснащения оружием.

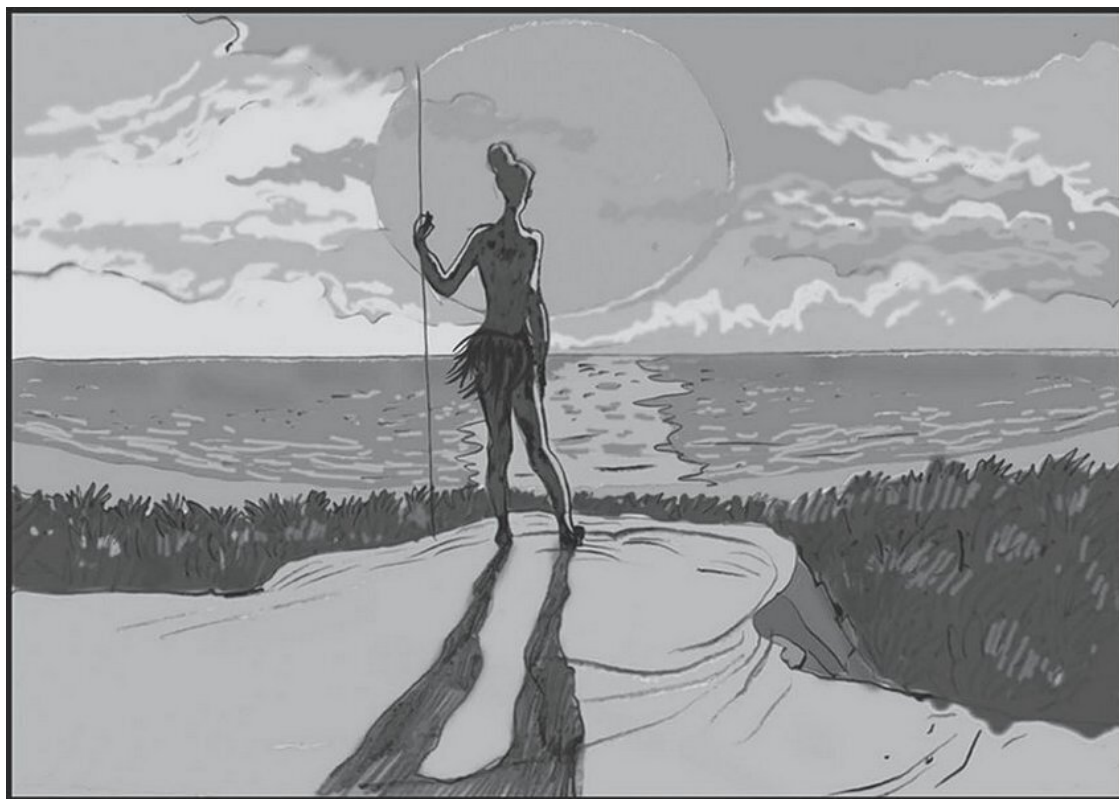
Каждый воин получил по металлическому столовому ножу и по ложке, с рекомендацией заточить о камень ручку под лезвие. Сам же вооружился металлическим штырем – символом власти.

Наше преимущество заключалось в том, что мы имели настоящее оружие. У нас были созданы запасы провизии и осады мы не боялись.

Негритоски потрясающе смотрелись в лучах закатного солнца, стоя на страже наших владений.

Встреча с неприятелем долго ждать не заставила. На рассвете четвертого дня из леса появились воины противника. Они не были готовы к такой встрече. Попытки приблизиться к лагерю были отбиты градом камней и палок моих легионеров, поднятых по тревоге.

Намерения противника были серьезны. Началась осада. Противоборствующая сторона разбила свой лагерь по другую сторону поляны. Стоя на краю скалы, я наблюдал, как трудолюбивые азиаты, включая японок, под командованием Кесиди, изготавливали непонятные приспособления, вероятно предназначенные для штурма, плели щиты для защиты от копий и камней, притаскивали из лагеря на берегу запасы продовольствия и оружие. Они были под пятой у американцев и беспрекословно подчинялись им.

Днем готовились, а ночью пытались сделать проходы в наш тыл – англичанки и индонезийки. Всем этим командовали немки во главе со злобной Греттой.

Мы делали контратаки, восстанавливая разрушенное, но в открытый бой идти не решались. С хитрыми фанатичными азиатами и жестокими немцами сложно воевать. Будет много крови. Надменные англичане и властолюбивые американцы тоже вряд ли желали быть побежденными.

Пока шла война местного значения, я выработывал стратегию и тактику дальнейших действий. Сидя в вигваме на кресле-троне, я выслушивал донесения своих полководцев и отда-

вал необходимые приказы. Мантией служила моя старая куртка, жезлом – железный штырь. В личной охране у меня были – одна красивая и сильная нигерийка и две мулатки. В верхнем дворцовом лагере, кроме меня и личной охраны, находились только беременные. Это были Маша, француженка Мишель и итальянка Арнелла. Потеря бдительности привела меня и к таким неожиданным последствиям. Но будущих мам текущее положение нисколько не беспокоило. Девушки безоговорочно желали иметь от меня детей, а среди нас были медики и опасаться было нечего.

Затяжная осада немного ослабила наши силы. Нужно было мясо.

Зная все маршруты и режим передвижения «варваров», я решил с отборной группой воинов сделать вылазку к морю, предварительно нарядив в свою одежду одну из оставшихся на плато девушек. Снизу нельзя было различить, кто наблюдает за другой стороной, а имитация моего присутствия не вызовет подозрений у врага.

В первый день, удачно поохотившись за рыбой и набрав мидий, мы посчитали, что лучше заночевать в камнях, а наутро отправиться в обратный путь.

Чуть забрезжил рассвет, а наш десант был уже в районе кабаньей тропы.

Оказывается, только в это раннее утро здесь пасется семейство. Искушение было неудержимым. Дротики и огромные камни полетели в свиней. Те, истошно визжа, заскочили в каменную ловушку, что их и погубило. Глыбы лежали так, что вход и выход был один. Мы же, не подставляя себя под удары разъяренного вепря, прыгали по камням, так же дико орали и бросали в бедных животных, не способных даже достать нас, свои копья и булажники. Последний штрих в охоте сделал мой штырь, проткнув свинью насквозь в районе сердца.

Огромная туша, два мелких поросенка, рыба и мидии были доставлены в нашу крепость под возгласы ликующих «солдат».

Часть мяса и рыбы была определена для вяленья, а остальное готовилось на костре, разнося невероятный запах по всему острову. В единственной кастрюле булькал суп, пар от которого всех сводил с ума.

До ночи продолжалось пиршество и восхваление императора, прославление его подвигов и ума.

На следующий день, заряженные энергией мяса и уверенные в успехе, мы выстроились «свиньей» и ринулись на деморализованного и истощенного противника. Войско Гретты выстроилось во фронт. Ее воины были оснащены щитами и шлемами, сплетенными из прутьев, торсы защищали потрепанные оранжевые бывшие спасательные жилеты. У каждой были копья и дубины. «Красная армия», как мы окрестили немцев и их союзников из-за цвета жилетов, выдержала первый удар, поставив в центре несгибаемых самураев.

Японки отразили артиллерийскую подготовку из града камней и палок, летевших с нашей стороны, и встали под удар сильнейшей центральной группы, стойчески выдерживая напор лучших императорских сил.

Видя заминку в наступлении наших первых рядов, солдаты «Красной армии» бросились в центр для закрепления успеха, на что мы и рассчитывали. Мои легионеры тут же сомкнулись в кольцо, обойдя их с флангов и отрезав путь к отступлению. Началась настоящая рубка.

Бесстрашные негритоски, ловко орудуя копьями, избивали свору «красных», повергая их на землю. Итальянки и француженки, виртуозно владея палками, словно всю жизнь этим и занимались, наносили сильнейшие удары немцам, американцам и англичанам, заставляя их спасительно поднимать руки и просить о пощаде. Русские и испанки шли напролом, обезоруживая и давя вросших в землю самураев и других азиатов. Отточенные ножи были последним аргументом для не желающих сдаваться.

За ходом поединка я наблюдал с края плато, простирая руки в ту или иную сторону, давая указания военной массе.

Состоялся первый и последний открытый бой. Противник был разбит на голову и бежал, оставив часть армии в плену.

Смертельных исходов удалось избежать. Победа была за нами. Но помимо радости, она принесла и дополнительные заботы.

В этих условиях кормить пленных было невыгодно, а отпускать за добычей, значит отпустить совсем и пополнить противоборствующую армию солдатами. Как непокорных врагов – двух немков, двух англичанок, американку и трех азиаток – было решено приобщить к труду на благо нашей «империи».

Я достал, сохраненные от сырости и людей, два пакета риса, также добытые в те далекие времена из самолета, и предложил сделать рисовое поле, попытаться выращивать рис. Предложение было принято с громогласным воодушевлением.

Рабы, под бдительным взглядом стражей и под воздействием плетей, приступили к строительству водопровода из полых стволов бамбука, прокладывая его от ручья к нашей поляне. Делали террасообразные поля по склонам горы, заливали их водой и сажали рис. Рис стал расти и кормить мое «государство». Появился даже рисовый хлеб. Воины ходили в походы и пополняли количество рабов, так необходимых нам для строительства и работы в поле.

У меня родились двое мальчиков и девочка.

Родившегося первым мальчика я назвал, как хотела его мать, Арнелла, Владимиром. Это имя он получил в честь меня и оно имело глубокий смысл: Владимир – властелин мира. То есть родился приемник. И он будет властелином этого острова или, если нам поможет судьба, властелином того мира, о котором мы уже и не вспоминали, забытого, но желанного.

– Так и будет! – кричал я, подняв высоко над головой нашего первенца. – Ты будешь властелином мира!

– Мира, мира, мира... – предвестником продолжения жизни и благоденствия разнеслись эхом над островом мои слова.

Другие трое женщин, включая нигерийку и мулатку, готовились стать матерями.

Я мудро руководил народом. Вечерами меня ублажали, выбранные мною, девушки. Они бывали и из рабынь.

Меня обучали английскому языку, иногда передо мной девушки танцевали свои национальные танцы, иногда устраивали между собой состязания в ловкости и силе. Часто ко мне приносили понячнуться детишек, чтобы ребенок почувствовал запах мужчины.

Словом, жизнь шла своим чередом.

Наконец-то были пойманы одичавшие Гретта и Кесиди. Их, грязных и злобных, подвели ко мне, восседавшему на нижнем, сделанном из бамбука и обтянутом шкурой кабана троне.

Я взглянул на поверженных и с болью в сердце спросил:

– Зачем это все вам надо было? Неужели нельзя было жить в мире?

Глаза у Гретты загорелись. Мои воины насторожились, следя за каждым ее движением, готовые тут же пресечь любое действие в мою сторону.

Она, посмотрев на меня, подняла кусок набедренной повязки и, остервенело, стала кричать:

– Фак ми! Фак ми! Фак ми!

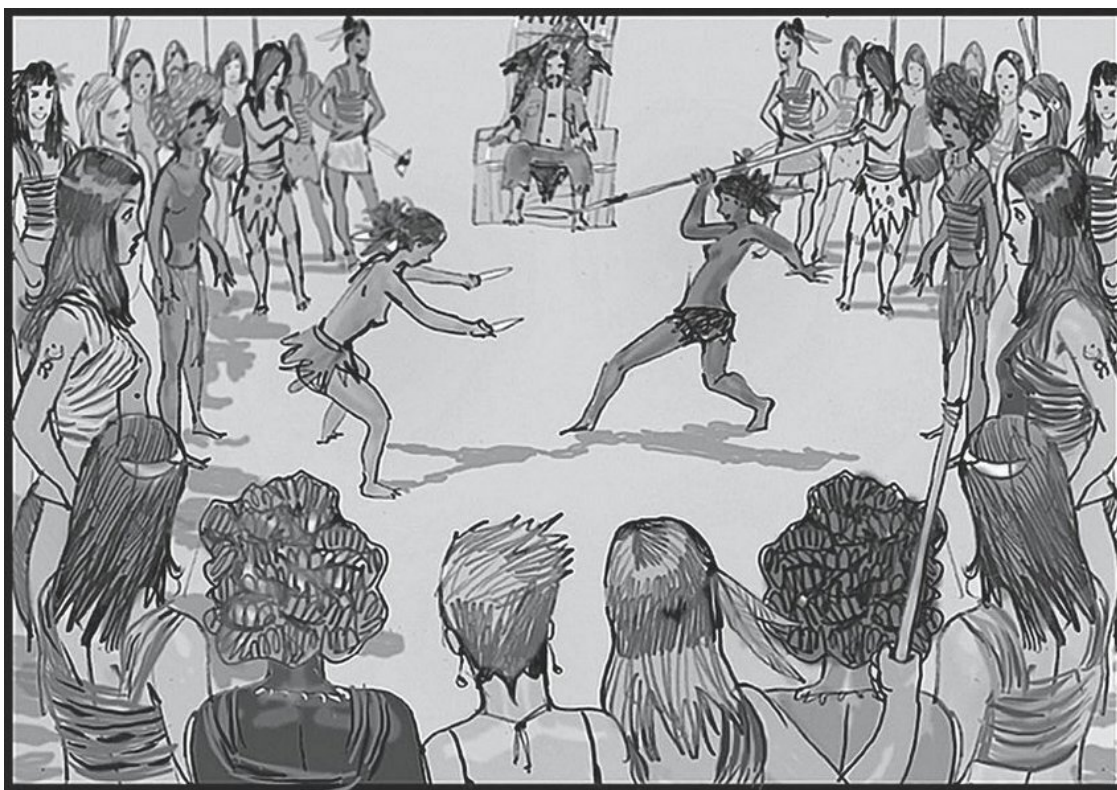
Кесиди поддалась ражу подруги и так же, подняв свои лохмотья, истерично стала вторить:

– Фак ми! Фак ми! Фак ми!

Меня это вывело из себя моментально. Вскочив на ноги, я злобно скомандовал:

– Ах, так?! Сделайте мне арену! Арену цирка! Вы будите драться между собой как гладиаторы! Победитель получит свободу и... Фак!

Все расступились, оставив место для поединка. Пленницам перевели смысл моих слов и выдали по тростниковому щиту, металлическому ножу и копью.

Как звери, единоборцы приняли угрожающие позы и стали кружиться по арене, не сводя друг с друга глаз, ища слабое место партнера. Гневный взор и жажда победы испугали даже меня.

Удары копьями и мертвая хватка за неухоженные, длинные волосы, остервенелые вопли взбудоражили толпу. Толпа орала, подбадривая ту или иную соперницу, успешно нанесшую противнику удар. Гретта завалила американку, вынула нож и размахнулась.

Не выдержав, я буквально впрыгнул на арену и выбил из руки немки нож.

Гретта обмякла и громко разрыдалась, стоя на четвереньках над поверженной Кесиди. Их растащили в разные стороны.

Вечером ее, помытую и одетую в новую набедренную повязку из брезента, тихую и податливую, привели ко мне во дворец. Я выполнил свое обещание под неусыпным взором телохранительниц. Она была нерешительна, но темпераментна и жадна.

Индивидуальной свободой объезженная смутьянка пренебрегла, оставшись жить среди моего свободного народа.

Вокруг скалы-резиденции выросло много отдельных домиков, сложенных из камня и тростника. Плодородные земли были разделены между моими приближенными, рабы отпущены на вольные поселения и отличались от свободных граждан лишь тем, что не имели собственных угодий, а трудились на хозяина земли, получая за это незначительную часть урожая для пропитания. Некоторые граждане, посвятившие себя морю или охоте, вели натуральный обмен, но часть провизии отправляли ко мне в казну. Удельные князья, в свою очередь, так же, по договоренности, пополняли мои запасы, кормя меня, охрану и детей.

Дома отличались разительно. Кто-то построил скромную лачугу, приспособив под веранду бывшую бамбуковую клетку для рабов, а кто-то выстроил чуть ли не замок. Мое же верхнее жилище было благоустроено силами всего народа и, относительно городских строений, походило на настоящий дворец.

Моим указам подчинялись все беспрекословно. Строптивые наказывались моими преданными слугами, живущими во дворце, которые, всячески ухаживая за мной, угождали любой моей прихоти.

Особой степенью моего благосклонного отношения к тому или иному вассалу было доверие ему провести церемонию пострижения бороды Нашей царственной особы. Это было верхней степенью награды, чего удосуживались единицы.

Народ был счастлив.

Американка Кесиди оказалась весьма изобретательной девицей. Как только ее отпустили из рабынь, она тут же отправилась на охоту и откуда-то, одна, приволокла огромную морскую черепаху, выменяв за которую множество продуктов и кусок земли, взялась за строительство хибары.

Через некоторое время у нее был налажен процесс изготовления глиняной посуды, обожженной в печи, так необходимой в хозяйстве. Это дало ей возможность в скором времени набрать, путем обмена, большое количество съестных запасов и нанять на строительство и расширение производства своих любимых азиаток.

Хозяйство Кесиди крепчало, количество земли увеличивалось и настал день, когда она стала самым богатым человеком на острове, но без власти.

Огромный дом у подножия скалы и солидная часть лужайки принадлежали Кесиди.

«Еще немного, и подъем на скалу будет ее собственностью, – думал я. – Как бы прекратить рост этого монстра?»

Стали ходить слухи, что в цехах Кесиди вырабатывалась уже не только посуда, а что-то более грозное, способное подчинить себе весь остров. Это были глупые разговоры, но я-то знал, что большая часть населения уже работала на нее. Она их кормила, а значит, они были на ее стороне. Грозный соперник не давал мне покоя ни днем, ни ночью. Угроза переворота или войны вновь предстала передо мной неизбежной явью.

Зачастую сельские труженики уходили в цеха Кесиди на заработки, ставя под угрозу пополнение запасов продовольствия. Стервоза явно осознавала что делала. Она подрывала мою власть, и я был не в силах справиться с Кесиди.

Критический момент настал в сезон дождей. Мобилизовав все верные мне силы, я объявил войну владыке противного мне княжества.

Ночью дождь лил как из ведра. Сальные фитили еле теплились. В глубоком раздумье в одиночестве я возлежал на своем ложе.

В глубине пещеры метнулась чья-то тень. Вечером я приказал никого до меня не допускать и поэтому был немного удивлен.

Тень выросла, загородив ближайший светильник, и напугала меня.

Передо мной стояла, красиво сложенная, длинноволосая Кесиди. Капельки дождя изумрудами блестели на ее загорелом совершенном лице. Как она могла пройти столько кордонов охраны, было непонятно, но холодок страха и обиды прокатился у меня внутри.

«Это покушение», – мелькнуло у меня в голове.

Оружия рядом не было.

Готовый гордо принять смерть, я поднялся во весь рост, сбросив с обнаженного тела брезентовую накидку.

Кесиди, как кошка, бросилась на меня, сбив с ног, стала меня целовать, обнимать и буквально ввинчиваться в мою плоть. От такого темперамента и близости ни разу не опробованного тела у меня закружилась голова и я отдался во власть всепоглощающей страсти любви, пока не затих от изнеможения.

Кесиди собрала свою одежду и так же тихо исчезла, как и появилась.

Тайная связь продолжалась несколько недель. Это и был ответ на объявление войны.

Ослабление контроля за рабочими со стороны Кесиди, боязнь войны и раскрытие тайны взаимоотношений между нами, подняло рабочих и крестьян на бунт.

Погромив дома, мастерские и поля, они объявили, что сами будут решать, кто будет управлять процессами производства и распределения, сами будут решать с кем, когда и сколько я буду жить.

С этими лозунгами они ринулись штурмовать мое плато.

Чувствуя надвигающуюся опасность, Кесиди осталась у меня наверху. Сочувствующие революционерам были изгнаны вниз.

Поставив мощную охрану, отбив атаки, я опять оказался в осажденной крепости. Но, на сей раз, мои тылы были намного крепче. Запас провианта можно было растянуть на год.

Безуспешные атаки и штурмы периодически повторялись, не давая нам спокойно налаживать быт в новых условиях. Маленькие дети восставших беспризорно копались на улице в грязи. Их мамы рыскали по разрушенным и разбитым домам в поисках пищи. Обобщественное производство не пошло. Никто не хотел работать, считая, что должен работать кто-то, но не он.

Запасенные продукты были быстро съедены, рисовые поля вытоптаны и заброшены, плодовые деревья вокруг поляны были почти полностью уничтожены. Их не обирали аккуратно, как раньше, а нагибали к земле, обдирали, забравшись всем стадом, и бросали в безжизненном состоянии. Внизу творился беспредел и воровство. Благодаря своей силе или подкупу группы одичавших людей, появляющиеся вожди держались не долго.

Наблюдая сверху за деградацией общества, я должен был срочно принимать меры. Выждав несколько месяцев, я отправил с подарками вниз группу парламентариев. Проведя успешно переговоры, мы пригласили нескольких лидеров, во главе с англичанкой Элизабет, к себе и обсудили пути дальнейшего выхода из создавшегося кризиса. Был намечен разумный путь приведения в порядок экономики. Первое – это выбор всеобщего руководителя – президента, после чего планировалось восстановление армии, экономики и порядка.

Договорились, что каждая сторона выдвинет своего кандидата на пост президента.

В назначенный срок моей стороной на поляне были выставлены столы с нехитрой снедью, и пища раздавалась бедствующей стороне. Были разожжены костры, расстелены циновки.

Элизабет, немка Эльза и японка Хакимото, по прозвищу Судзуки, встали в противовес мне и Кесиди.

Кесиди огласила цель сегодняшней кампании и основные тезисы работы по организации государственности и создания цивилизованных взаимоотношений. С ударом гонга, изготовленного из куска алюминия, служившим нам когда-то емкостью для воды, люди разошлись по разным сторонам поляны, окружив своего кандидата, отдавая ему голоса.

Японку поддержали японки и индонезийки.

Немку только немка Анхель и две бельгийки.

Элизабет – англичанки и француженка.

Все остальные встали на мою сторону, оставив Кесиди ее американок и азиаток.

Жребий был брошен. Президент с неограниченными полномочиями был провозглашен.

Своим указом я назначил Кесиди министром промышленности, Судзуки – министром рыбной ловли и сельского хозяйства, Элизабет – министром культуры, Эльзу – министром социального обеспечения и строительства, себе подчинил армию.

Дело сдвинулось с мертвой точки. Организм нашего государства, пришедший в упадок, стал быстро восстанавливаться. Зафункционарировали предприятия Кесиди, трубопровод был восстановлен, сельское хозяйство поднялось на должный уровень. Появились детские сады и ясли, в которых резвились наши дети в возрасте от новорожденных до двух лет, за ними заботливо ухаживали немки. Открылся театр, в котором довольно-таки часто шли пьесы, показывались танцы и устраивались концерты.

Женщины проявляли невероятную самостоятельность. Каждая обрела свое независимое «Я», и даже в вопросах секса с единственным представителем мужского пола – президентом, ввели щадящий график и деловитость.

Тем не менее, народонаселение острова постоянно увеличивалось посредством высокого уровня рождаемости и заботы о подрастающем поколении.

Было удивительно, что за это время на острове никто серьезно не заболел. Райский уголок в океане процветал день ото дня. Его жители уже и забыли думать, что где-то существует другая, полная стрессов и страшной жестокости, жизнь.

Мы были поглощены настоящим.

Я часто любил подниматься на крышу своей резиденции и созерцать бескрайние просторы океана. В этот момент я думал о величии человека и о том, недоступном мне, мире великого множества людей, находящемся где-то далеко за горизонтом, и о будущем своих девочек, ждущем их на невидимом отсюда берегу.

Серая точка вдалеке, то появляясь, то исчезая, взбудоражила мое сознание. Я задрожал всем телом и, не веря глазам, сжался как пружина, готовая распрямиться и выплеснуть с силой свою энергию. Это точно было не явление природы, а создание человеческих рук.

Не в силах сдержать эмоции, я остервенело начал кричать, указывая в ту сторону:

– Корабль! Корабль! Я вижу корабль!

Рядом находившаяся Ольга, уронив палку, на четвереньках стала карабкаться ко мне наверх. Негритоски, стоящие в дозоре, не понимая, что я ору, бросились к основанию здания, готовые идти в бой, но не видящие противника. В их глазах была растерянность и собачья преданность. Они смотрели то на меня, то на море, пытаясь угадать смысл моего вопля.

А я бешено орал, не зная, как удержать это видение.

Работа на полях прекратилась, люди стали подтягиваться к скале, глядя наверх и пытаясь понять, что там происходит.

Я отпихнул Ольгу, которая чуть не свалилась с крыши и, спрыгивая на землю, начал уже кричать по-английски, хватая охапки хвороста, заготовленные для вечернего костра и швыряя их на тлеющие угли вечного огня:

– Корабль! Делаем большой костер!

– Быстрее костер! Нас должны заметить!

– Корабль!

Охрана поняла и, откинув в сторону свое оружие, стала в бешеном темпе валить в разгорающуюся кучу все, что могло гореть.

Я заскочил во дворец, схватил циновки, кучу сухого тростника и потащил к костру.

Моему примеру последовали остальные, таща столы, кресла и другую, способную гореть, утварь. Жители поляны сорвались с места и побежали кто к подъему на плато, а кто ломанулся сквозь дебри на берег.

От костра повалил огромный столб дыма. Мы молча смотрели на горизонт с надеждой и слезами на глазах, моля, что бы нас заметили.

Мы все стояли на берегу, по колено зайдя в воду, и следили, как за сошествием Христа на землю, за приближающимися к нам катерами.

Слезами и истерикой девушки встречали статных, красивых моряков, налетая на них как цунами, залезали в лодки, отпихивая друг друга.

Моряки, широко открыв глаза и пытаясь остановить хаотичный абордаж, были обескуражены напором черных, обросших, полуголых женщин с малолетними детьми. Дети от испуга дико визжали и, как звереныши, цеплялись за своих мам.

Я стоял в стороне, слезы счастья катились по лицу и бороде.

Моя лучшая одежда, по сравнению с белоснежной формой моряков, выглядела жалкими лохмотьями, прикрывающими сухую, загорелую до черноты, дубленую кожу.

Недовольно взглянув на происходящее, из катера на песок ловко выпрыгнул офицер и направился ко мне, вероятно, видя во мне ответственное за это безобразие лицо.

– Хай, – приветствовал он меня.

У меня дрожали губы, дыхание перехватило. Я, боясь разрыдаться, в ответ только кивнув, потянул к нему свои черные трясущиеся руки. Он с опаской пожал их и на каком-то, странном для меня, английском языке начал спрашивать, что происходит и кто мы такие.

Я стал сбивчиво рассказывать про неудачную экспедицию на конкурс красавиц, в результате которой мы попали на остров, про погибших пилотов и про недоразумение, почему нас не искали. Я выкладывал историю всеми доступными мне словами, имеющимися у меня в запасе. У офицера глаза с каждой минутой расширялись все больше и больше, на лицо выползла широкая добрая улыбка. Он понимающе и ошарашенно качал головой, с любопытством поглядывая издали на мою команду, оккупировавшую катера и смотрящую на моряков и на нас со страхом быть изгнанными и оставленными на этом осточертевшем острове.

– О'кей! – согласно кивнул он мне и, со смехом хлопнув меня по плечу, приглашая с собой, направился к катеру, давая знак отхода.

– Все ли на месте? – спросил он у меня, стоя уже на палубе.

Я тем временем лихорадочно пересчитывал детей и женщин, тихо, как загнанных зверьков, сидящих по бортам катеров, прижимавших к груди испуганных младенцев.

– Вроде все, – кивнув, по-русски ответил я.

Эти слова немного напрягли офицера.

Катера, еще не успевшие отойти от берега, были остановлены властным жестом командира. Улыбка сползла с его лица. Последовала команда всех взять под прицел, а мне предложили выйти на берег в сопровождении четырех матросов и офицера.

– Так вы оказывается русский? – последовал от него вопрос. – Как это прикажете понимать? – серьезно, глядя мне в глаза, начал он допрос. – Неужели русские могут забираться так далеко, или это задание? Кстати, где вы научились так хорошо говорить по-английски? Даже меня ввели в заблуждение.

Заволновавшись еще больше, я начал повторять, уже в деталях, невероятную историю о погибшем самолете, обломки которого не мог предъявить «следователю», но настойчиво предлагал ему посетить место нашей первой, истлевшей стоянки и забраться к скале, чтобы предъявить алиби в виде опустевшего поселения.

Офицер согласился, вынул пистолет и предложил мне идти первым.

Вдоль ручья мы поднялись к подножию скалы. Матросы и офицер были вымотаны до предела, я же дышал спокойно, несколько не устав и не потеряв своих сил.

Увиденное поразило немало повидавших морских волков.

Перед ними предстала осиротевшая деревня со следами многолетней людской деятельности и неожиданно вымершая.

Они заходили в некоторые дома, с удивлением рассматривая орудия труда, домашнюю утварь и оружие. Некоторые вещи, с моего разрешения, взяли в качестве сувениров.

Дипломатические отношения между нашими странами были установлены.

Офицер извинился передо мной и даже по-братски, сочувственно, коротко обнял.

От предложения слазить ко мне во дворец он, поблагодарив, отказался. Я же, вспомнив об оставшихся наверху размокших паспортах и об остатках долларов, бросился к расщелине. Матросы в ужасе пытались меня задержать думая, что мне приспичило покончить жизнь самоубийством. Но я, ловко ухватившись за корни, через мгновение был на плато. Жизненно важные документы были при мне. Они подтвердили, что мы не шпионы. Глядя больше на меня, чем на почерневшую пачку паспортов, офицер мысленно называл меня сумасшедшим, вспоми-

ная мою дикую, а для меня обыденную, выходку. Четко козырнув, он вернул бумажки обратно и мы отправились назад.

Военный крейсер, на который мы попали, радушно принял одичавших Робинзонов. Мы с нежностью и лаской дотрагивались до отполированных металлических вещей, словно никогда в жизни этого не видели.

Белоснежные простыни госпиталя были верхом блаженства после теплого душа и душистого мыла. Моряки, по очереди, заглядывали в наши каюты, улыбаясь, шушукались между собой и подмигивали моим девчонкам.

В отдельный кубрик, куда меня временно определили, зашел сам командир корабля и рассказал, что база, с которой он связался, подтвердила гибель индонезийского самолета, произошедшую более трех лет назад, на борту которого передвигалась группа девушек из разных стран во главе с русским. Скорее всего, рация и радиомаяк нашей развалюхи вышли из строя, а может быть, и навигационные приборы не работали или в тот момент мы попали в зону разыгравшихся электромагнитных бурь. В общем, взаимный контроль с землей был утрачен и падение самолета не было зафиксировано ни одной из наземных и космических служб.

Поиски останков продолжались в течение нескольких месяцев. Однако никто не предполагал, что самолет так сильно отклонился от курса, уйдя на тысячу с лишним миль от пункта назначения, и потерпел крушение в необитаемой и несудоходной зоне коралловых рифов.

Оказывается, белые буруны, которые крутились на горизонте и за которыми я любил наблюдать в часы раздумий, являлись теми коварными рифами, давшими нам три года затворничества.

Счастливая случайность, связанная с военно-морскими исследованиями и прокладкой новых транспортных путей для сухогрузов, помогла героям-первопроходцам случайно обнаружить и подобрать нас.

Родные и близкие, пресса уже оповещены о находке и нас ждет оглушительная встреча.

Не успев обвыкнуться на корабле и пройдя минимальное медицинское обследование, нас через несколько дней на пару часов высадили на какой-то из военно-морских баз США, а затем, погрузив на военно-медицинский самолет, отправили в неизвестном направлении.

На все расспросы медперсонал самолета и летчики отвечали дружескими улыбками, предлагая не волноваться и восстанавливать свои силы.

Среди пассажиров индонезиек я не обнаружил.

Через десять или более часов мы наконец-то приземлились.

Море репортеров, отстраняемое полицией и военными, толпилось вокруг нас. Мы шли вдоль живого коридора, по-звериному пугаясь наглых «папарацци» и с трудом сдерживая восторг. Дети сидели на руках мамаш с безумными от страха глазами и молчали.

Во время поездки в госпиталь на автобусе, Бетти узнала Лос-Анджелес, свой родимый город, и с ней чуть не случилась очередная истерика.

Американцы очень деловые ребята. Узнав о цивилизованных дикарях, выживших и даже расплодившихся в столь необычных, для избалованного урбанизацией человека, условиях, они быстро скумекали, что на этом можно сделать приличный капитал и доставили нас к себе в Штаты.

Каждый день под окнами госпиталя ошивалась огромная толпа людей, жаждущих сенсации и легкой наживы.

Помимо расспросов, к нам в палаты приходили уважаемые люди с деловыми предложениями на эксклюзивное использование собранной информации. Все газеты пестрели идиллическими заголовками по наши души. По телевидению постоянно показывали наши изможденные, но счастливые лица.

Недаром я работал, в свое время, администратором. Взвесив все поступающие в мой адрес предложения, я решил также заработать денег на халяву.

Из госпиталя меня переселили в отель, разлучив с моими верными подругами.

Их расхватили их же агентства, так же остро чувствуя запах долларов, оставив меня одного. Куда делись мои россиянки, я не знал, вероятно, финансовый вихрь так же их понес по стране мечты – Америке. Тоска съела мое сердце.

Мне передали, когда я еще находился в госпитале, что звонили из российского посольства и из фирмы, отправившей меня в столь длительное путешествие. А еще сообщили, что семья моя здорова, но жена, думая, что я погиб, вышла замуж.

Сообщение было построено так, что я послал их сразу всех к черту, что и требовалось от меня, и попросил вида на жительство, в чем мне не было отказано. Теперь я был во власти и распоряжении акул шоу-бизнеса.

Голливуд – страна грез, куда я и не мечтал попасть, была под боком.

В гостиницу ко мне зачастили представители этого могучего бизнеса.

Я рассматривал разного рода предложения, накручивая цену, понимая, что могу сейчас сделать головокружительную карьеру.

Отменя мелкие предложения, я заключил контракты на написание книги, на постановку фильма и на создание мюзикла о жизни на необитаемом острове с тридцатью четырьмя самыми красивыми девушками Земли.

Суммы контрактов были астрономическими.

Работая со сценаристами и известнейшими режиссерами, я не забывал и о благоустройстве своего быта. У меня, в скором времени, появились роскошный дом и огромный «Кадиллак». Я довольно-таки быстро научился водить машину, что меня ненадолго отвлекло от дела. Все остальное время я был полностью поглощен написанием сценария.

Одним из условий работы над фильмом я поставил свое непосредственное участие в его создании и получении процентов от его проката. Эти условия касались мюзиклов и книг.

Ушедший с головой в работу, я не думал ни о времени, ни об отдыхе, ни о семье.

Вечером, в часы затишья, я с благодарностью вспоминал моих родных девушек, так просто, играючи, научивших меня английскому языку, который сейчас я освоил в совершенстве. Я думал о своих малютках, разбросанных по всему миру, а утром опять вливался в бешеный ритм жизни, забывая обо всем на свете.

Лихорадочная подготовка к съемкам, известнейшие актрисы и продюсеры, презентации, все летело галопом, не давая мне опомниться или зафиксировать на чем-нибудь свое внимание.

В павильонных съемках Голливуда я принимал самое деятельное участие, давая ценные указания и рекомендации. Механизм создания фильмов был отлажен безукоризненно.

На натурные съемки врачи порекомендовали мне не ездить, опасаясь за мою психику.

Это было на руку моим боссам, уставшим от моих требовательных замечаний.

Через год с небольшим фильм был выдвинут на соискание «Оскара» по двенадцати номинациям.

В лучах всемирной славы я прошествовал по знаменитой «Ред карпет» и лестнице в окружении звезд американского кинематографа, которые относились ко мне уже как к равному.

Слезы счастья, получение «Оскаров», банкеты слились в один незабываемый праздник. Мои банковские счета не успевали впитывать потоки денег, обрушившиеся на меня от проката фильма, продажи книг, выручек от мюзиклов.

Все было прекрасно, одного не хватало – душевного покоя. Ностальгия была под дых, мешая дышать и ощущать все прелести удивительной жизни.

Кроме продажных, падких на мои миллионы, девок, кроме присосок – непонятных людей от бизнеса, я никому не был нужен.

Где мои девочки, они совсем не думают обо мне. У них сейчас молодые, статные женихи, а не я, немолодой седеющий мужчина, оставшийся в тумане их недолгой памяти.

Где моя Родина? Пьяные слезы падали на белый воротник расстегнутой рубашки. Хорошо, что негр-лакей этого не видел.

На улице шел дождь. Я сидел в номере гостиницы «Метрополь». Рядом был Кремль. Вместо ожидаемого душевного подъема от встречи с Москвой, меня обуяло чувство тоски и одиночества.

Я опять же думал о своем безоблачном детстве, о своей первой любви и о преданных товарищах.

Зазвонил телефон.

На связи был Сашка, найденный по моей просьбе.

– Вовка, – орал он в трубку, – привет! Это Саня – друг твой! Ну, ты, брат, даешь. Такое замутить! Молодец! Теперь к тебе на хромой кобыле не подъедешь. Всемирно известный продюсер... ха-ха-ха!

Его напористый голос говорил мне, что у него по-прежнему все в порядке.

– Как ты? Шуруй ко мне! Или лучше давай вечером встретимся в ресторане известной тебе гостиницы... ха-ха-ха! Я соберу всех наших. Вот классная будет встреча. Кстати, от фирмы тебе причитается кругленькая сумма за вынужденную длительную командировку. Пропьем! Ну что, договорились? Я сгораю от нетерпения тебя увидеть.

– Да, я буду, – ответил я.

Мы договорились о встрече.

Закончив разговор, я собрался, вышел на улицу. Подкатили «Мерседес», взятый мною на прокат.

Москва, за время моего отсутствия, изменилась сильно. До встречи одноклассников времени было достаточно. Я заехал в банк и положил значительную сумму на имя сына. Нужно было отвезти ему документы на право пользования счетом.

Мой звонок с мобильного телефона немного встревожил бывшую жену.

– Привет, это я, – начал я разговор.

– Привет... кто «я»?.. Володь, это ты?

– Да.

– А ты откуда, из Америки?

– Нет, с мобильного. Я в Москве.

Последовало молчание.

– Как ты живешь? Может, заедешь?

– Да, я хотел заехать повидать сына, передать кое-какие подарки.

– Заезжай, я стол накрою, расскажешь как жил.

– Хорошо, вечером буду.

Она уже не была той, стервозной бабой. В ее голосе звучали нотки спокойной размеренной жизни. Мы поговорили, как знакомые, желающие оставить друг о друге хорошее впечатление и создать видимость взаимного интереса, но каждый тяготился долгим мимолетным контактом.

Поездив по самым дорогим магазинам, я набрал гору подарков, взял пару бутылок вина и поехал «домой».

Дверь открыла, несколько внешне не изменившаяся, бывшая супруга. Дома было все по-прежнему, добавились некоторые детали, но существенно ничего не изменилось. Дух чужого мужчины витал в квартире.

– А где сын и муж? – высыпав в большой комнате гору подарков, спросил я.

– Муж решил уехать к маме, узнав, что появишься ты. Чтобы не смущать тебя. А Пашка уже как неделю в Астрахани с друзьями. Кто не поступил в институт, пойдут в этом году в

армию, вот они и решили последний раз, как говорят, оторваться. Здоровый оболтус вымахал. Да ты проходи, садись, – указывая на накрытый стол, засуетилась она.

Опустившись молча на стул, я попросил показать фотографии сына. На меня смотрел красивый, рослый парень. Вот он на чьей-то даче, вот с каким-то мужиком в обнимку. Вдруг попалась фотография «того» времени, всколыхнув мои эмоции и выдавливая слезу. Парень безумно был похож на меня. В нем светилось счастливое детство, переходящее в юность.

Как сложится его дальнейшая судьба?

За разговорами мы провели несколько часов. Выяснилось, что Пашка поступил во ВГИК. Отчим – хороший человек, работает в какой-то коммерческой фирме. Жизнь у них идет хорошо, без стрессов. В общем, все нормально.

Я достал пакет документов и, объяснив, что это банковский счет, открытый на сына, рассказал, как им пользоваться.

По-детски, на прощание, поцеловав жену в щеку, я поплелся по лестнице вниз.

Последняя пристань оказалась разрушенной волнами непредсказуемой судьбы.

Не успев открыть дверь машины, я услышал, как Елена кричала с балкона:

– Володя! Подожди! Подожди, я сейчас к тебе спущусь!

Непонятное чувство охватило меня.

Что делать? А вдруг она захочет вернуть все обратно? Как поступать в таких случаях?

Растерянно, зажав в руке ключи, я, как вкопанный, стоял у машины и ожидал «грома небесного».

Выскочила Елена и, сунув мне в руки кучу конвертов, задышав, проговорила:

– Я совсем забыла, к нам приходят из-за границы письма на твое имя, а что делать с ними я не знаю. Это, наверное, что-то важное. Ну ладно, еще раз – пока.

И, обернувшись, исчезла в дверном проеме подъезда.

Сев в машину я, один за другим, стал распечатывать конверты. Это были письма от моих девчонок. Они разыскивали меня. Они, будто сговорившись, писали одни и те же строчки. Они не могли жить без меня, единственного, самого достойного на свете, мужчины. Каждая хвасталась достигнутыми успехами. Каждая описывала нашего ребенка и предлагала ехать к ней жить. А лучше всего купить огромный замок где-нибудь на островах и поселиться всем вместе с подругами.

Непонятно на счет всех вместе, но...

– Yes! – выкрикнул я, – меня не забыли!

И рванул с места по ночной, дождливой Москве.

Я несся по опустевшим ночным улицам, выскочил на шоссе в аэропорт и прибавил газу. «Дворники» не успевали смахивать струи дождя с ветрового стекла. По дороге текли обильные «реки», сердце громко радостно билось.

Вдруг машина, потеряв управление, заскользила боком по мокрому асфальту. Ее не удержи́мо разворачивало и несло на разделительную, зеленую полосу между встречных дорог.

Сильно ударившись уже задними колесами о бордюрный камень, машина юзом пошла по мокрой траве и, сделав несколько оборотов вокруг своей оси, не перевернувшись, заглохла, встав в свете фонарного столба.

Выйдя из оцепенения от произошедшего, я ощутил на себе чей-то взгляд и повернул голову в сторону ближайшего дома. В темном окне, словно в бинокль, я увидел мальчика, пристально смотрящего на меня.

Наши глаза встретились.

Это был тот дом, в котором когда-то, давным-давно, я ночевал у своего друга.

В окне был я, только юный и беззаботный, у которого вся жизнь была впереди.

– Не может быть... – промолвил я, протирая рукой лицо.

«Этого не может быть!» – уже мысленно повторил я, заводя машину.

Медленно вырвав на дорогу, я не спеша поехал дальше, глубоко задумавшись об увиденном.

А дождь смывал следы всего случившегося со мной.

Рассказы

Встреча

Однажды, в субботу, я приехал на дачу, которая находится в Подмоскowie, в районе всем известного Михнево, приблизительно в 15–20 километрах от него в сторону Москвы, и приступил к отдыху. Стояла невероятная жара, делать ничего не хотелось. Я, в шортах и майке-боксерке, слонялся по своему участку в двенадцать соток, огороженному непроницаемым забором из гофрированного железа, и придумывал, чем заняться, лишь бы ничего не делать и не ввязнуть в бесконечную тяготиину по благоустройству загородного «имения».

Жена ковырялась в грядках, пожилая мама читала Евангелие в тени веранды, дети отсыпались по своим комнатам после посиделок у костра, который они затеяли с соседскими друзьями в прошедшую ночь, а мое безделье начинало меня мучить, требуя разнообразия бесцельного времяпровождения.

– Леночка Борисовна, – обратился я к жене, – маленькая моя, как у тебя дела на трудовом фронте?

– Вовуш, ты бы нарезал небольших рогатуличек в лесу, а то вся клубника на земле лежит и гниет, все равно ходишь без дела. Прогуляйся, Зайчик, не ленись, а я их потом под ягодки поставлю. Хорошо, любовь моя? – тут же отреагировала моя половина, не отрываясь от своих саженцев.

«Зайчиком», хоть изредка, но случалось, стала называть меня жена после того, как я прекратил вести бесшабашный образ жизни. Раньше она говорила, что живет со мной как на пороховой бочке, не зная какой фортель ожидать в следующую минуту, от чего сильно страдала. Мне тогда было по фигу, хорошо или плохо думают обо мне, как относятся и оценивают мои поступки, но где-то с полгода назад я решил успокоиться и стал покладистым и внимательным к своим близким, наверное, возраст повлиял. Честно говоря, я знаю причину, но это опустим.

Я оживился, – нет проблем, сейчас сделаем.

Лес был в пятидесяти шагах от нашего участка и я, вооруженный самодельным раскладным ножом, неизвестно откуда взявшимся в гаражных инструментах, зашагал между стройных березок, увенчанных изумрудной листвой крон, в сторону ореховой рощи, слабо представляя, где она находится, только предполагая, что где-то в глубине нашего лесного массива. Туда поперся, основываясь на рассказы сына о зарослях орешника, полных тонюсеньких раздвоенных веточек, подходящих для изготовления рогаток.

Минут через двадцать моего похода светлый березовый лес сменился на угрюмую еловую чащобу без каких-либо признаков нужных мне деревьев. Потеряв направление, откуда пришел и в какой стороне находятся дачи, я не расстроился, просто тупо собрался пойти дальше. Выблужусь как-нибудь, не впервой, прикинул – главное найти любые, пригодные для моих целей, кусты и воплотить в жизнь столь ответственное порученное дело, но затем передумал. Вокруг и так было много молодой поросли, тянувшейся к солнцу между солидными, покрытыми мхом, стволами взрослых деревьев, тем не менее ее было жалко. Трогать и ломать жизнь стройненьким зародышам из-за своей прихоти садовода-любителя не вдохновляло, а искать и портить другие деревца, пусть даже это будут мусорные заросли, не хотелось. Плохо быть неразумным и причинять боль безмолвным существам, которые не могут тебе ответить подобным образом.

Решение практически было уже принято – не удался из меня заготовитель вспомогательных сельскохозяйственных приспособлений, как внезапно на пути возник завал из, пригнутых к земле, тонких деревьев и сломанных веток.

«Вот то, что доктор прописал, – воодушевился я, поднимая одну из веточек, освобождая ее от ненужных мне отростков, – это другое дело», – и принялся изготавливать народно-умельческие произведения искусства под названием рогатулины малые.

«Здесь, похоже, детишки шалаш себе сооружали, – думал я, завершая очередное изделие. – Не плохое местечко выбрали ребята, захочешь – не отыщешь его в этих дебрях».

Работа спорилась, количество деревянных галочек росло, радуя меня тем, что смогу сделать жене приятное, выполнив ее задание.

Недалеко за деревьями послышалось шуршание, напоминающее шаги. Мой слух напрягся. «Как бы случайный любитель природы не подумал, будто бы здесь вандал портит деревья ради своего удовольствия», – забеспокоилась моя, самая ответственная, внутричерепная извилина. Придется глупо оправдываться, а это не очень приятно, хотя вряд ли кто что-нибудь спросит о чем-либо.

Соответственно, следуя благоразумию, в надежде не привлечь к себе внимание, я прекратил работу и, не поднимая головы, вроде бы невзначай, стал посматривать по сторонам, параллельно не спеша и бесшумно собирая свои заготовки. Звуки прекратились, вокруг никого не наблюдалось, видимо неизвестный остановился и замер где-то в кустах, и следит за мной. Родилось не очень умное предположение – мне почудилось, будто бы здесь кто-то есть. Или на самом деле я здесь не один – последовала более реальная догадка. В любом случае ощущение присутствия кого-то рядом все-таки не покидало.

Подняв с земли последнюю рогатку, я распрямился и остолбенел, уставившись на, неизвестное мне доселе, существо. Оно огромное, покрытое с головы до пят бурой шерстью, смахивающее на медведя, стояло метрах в пяти и смотрело на меня, держась за ствол дерева, словно прячась, но готовое в любую секунду сорваться с места и исчезнуть в лесу. А может быть, оно хотело напасть на непрошеного гостя, забредшего на чужую территорию? Ничего моментально сообразить было не возможно.

Я обалдел до обморока. Их, животных, с испугу не поймешь, что у них в голове творится и как следует поступать людям в таких случаях – бежать прочь без оглядки, вопить что есть мочи или ласково разговаривать с ними. Это позже, спустя время, начинаешь рассуждать и анализировать свое поведение в подобной ситуации, а сейчас Оно, своими глубоко посаженными глазами болезненно-печеночного цвета, вонзило парализующий взгляд в меня и выжидало моей первой реакции на его появление.

У меня от неожиданности внутри все похолодело, обездвижив тело и затормозив мозговую деятельность. Нижняя челюсть отвисла, не желая закрываться, сделав мое лицо еще дебильнее, чем на самом деле. Стоя как вкопанный и тараща глаза на дикого человека, а это был именно он и никто другой, без сомнений, я заискивающе выдавил из себя – «Здрасте», – и, как мне показалось, даже немного поклонился ему, растянув свои дрожащие губы в идиотской улыбке, если гримасу, появившуюся у меня на лице, можно было назвать улыбкой. В ответ губы монстра разъехали в стороны, обнажив желтые, с чернотой по краям, огромные зубы и часть верхней десны.

Была ли это ответная дружелюбная мина с его стороны или предостережение в мой адрес, с демонстрацией своих клыков как грозного оружия, не понятно. Также не исключаю и худшего. Йети мог накручивать агрессию и готовился к атаке, но этого осознать я был не в силах.

От увиденного в голове все было мутно и не одной разумной мысли моему серому веществу выдать не получалось. Набросься сейчас Йети на меня, я, наверное бы, и пальцем не сумел пошевелить в свою защиту. Однако инстинкт самосохранения стронул мое оцепеневшее тело с места, заставив попятиться назад. «Тихо, тихо, тихо, – начали шелестеть в страхе мои губы, – не бойся, не бойся, я сам тебя боюсь», – шептал я, успокаивая не то себя, не то его.

Потихонечку, не сводя глаз с неандертальца и, не соображая как действовать дальше, я, на негнущихся ногах, всем ставшим влажным в один миг парализованным телом, развернулся

от него на сто восемьдесят градусов, прихватив с собой непослушную, не желающую отворачиваться голову, чуть не свернувшую шею и, втянув ее в плечи, ожидая нападения, с трудом сдвинул свои, словно чужие, ступни, пытаясь, не провоцируя вепря, скорее удалиться отсюда, при этом бессознательно продолжал бубнить про себя – «тихо, тихо, тихо...», – как бы борясь со своей немощью, ощущая спиной ледящий душу тяжелый взгляд дикаря.

Руки тряслись, на голове чувствовался каждый волосок, вставший дыбом. Что там на голове, везде! От меня вдруг, вроде бы, дурно запахло. Сзади послышалось резкое прерывистое дыхание огромного зверя, который, кажется, двинулся следом и, если я не бредил в тот момент, завис над моей трясущейся фигуркой подобия мужчины. Вероятно, сопровождая, питекантроп ожидал прокола с моей стороны с целью тут же вцепиться в меня своими могучими ручищами и разорвать мое тщедушное тельце в клочья. Это он явно мог сделать с легкостью, судя по его комплекции.

Так, ни живой ни мертвый от страха, не смея не то что бы посмотреть в его сторону, но даже и глубоко вздохнуть я, по сантиметру переставлял чугунные ноги, двигаясь прочь от места контакта с реликтовым гуманоидом, надеясь на благополучный исход данной встречи.

Пот застилал и щипал глаза, а я, как в тумане, все шел и шел вперед, не оборачиваясь и не разбирая дороги. Впрочем, мое медлительное неуверенное движение паралитика с большой натяжкой можно было назвать ходьбой. Скорее всего это походило на угловатые рывки конечностями хреново сработанного робота, не умеющего не только ходить, но и стоять толком не способного.

Очнулся я, уткнувшись головой в обломанную сухую ветку дерева, упирившуюся в мой лоб, как дуло пистолета, и включившую разум. Глаза наконец-то прозрели и стали осматривать округу, бешено вращаясь на неподвижном лице. Враз обострившийся слух подсказал – позади никого нет. Напряжение моментально спало, тело расслабилось до такой степени, что колени сами собой подогнулись и я, как штопор, ввинчивающийся в бутылку, по спирали опустился на землю, сползая спиной по стволу дерева, плюхнувшись задницей во влажный мох.

Несколько минут спустя осознав – можно покрутить головой, я стал более основательно озирать окрестности. Никого не обнаружив, с облегчением свистяще втянул в себя воздух и произвольно произнес:

– Ничего себе, вот это встреча...

И только тут обратил внимание на свои поделки – рогатульки, которые не растерял в столь экстремальных условиях, с силой прижимаемые к груди, побелевшими от напряжения или от пережитого, дрожащими пальцами. Даже нож был в сохранности, грозно торчавший из сведенного судорогой «мужественного» кулака. Как я о нем мог забыть? В моих руках же было оружие защиты.

Еще раз оглядев прилегающую местность, я тяжело поднялся и, косясь в разные стороны, чуть ли не бегом, помчался напролом сквозь кусты и, как ни странно, через некоторое время вынырнул на дорогу вблизи дач. Здесь меня отпустило окончательно.

Остановившись и переведя дыхание, вначале я прислушался, нет ли погони. Нерешительно посмотрел назад, вправо, влево, зачем-то наверх, а затем на нож в руке и, вытянув его вперед, – надо было так, – вспорол лезвием ножа воздух и смело, басом, по-мужски рывкнул, – если бы он вздумал на меня наброситься, я бы ему показал, что такое борьба с настоящим мужиком. Так и так махал я ножом, отражая нападения воображаемого противника. А если что, то он-то не знает, что у меня разряд по боксу, бах в челюсть – сделал я хук, – а далее провожу бросок через бедро, как-никак и самбо в моем арсенале имеется.

Вдалеке на дороге появились две девушки-дачницы, остудившие мой пыл единоборца. Не хотелось перед полупознакомыми соседками выглядеть идиотом, посему я резко успокоился и, уже с почти восстановленной, незначительно возбужденной психикой, направился к своему домику.

На участке царила идиллия. Мамуля продолжала читать, дети – полусонный Димка и бодрые Светка со своей дочерью, на веранде за столом поглощали блины и только на секунду оторвались от своего завтрака, чтобы крикнуть:

– Привет, пап.

Жена в садоводческой позе так же, как и раньше, занималась своими грядками.

– Ленуська, твое задание выполнено, – едва сдерживая эмоции, гордо произнес я и сыпал лесные трофеи на полянке у мангала, выложенного из кирпича.

– Молодец, Зайчик, заточи их, чтобы легче было в землю втыкать.

– Хорошо, – буркнул я, – и, усевшись на бревно рядом с моими колышками, начал их зачищать, вспоминая о случившемся.

Я никому из своих не рассказал о встрече в лесу в силу того, что, во-первых, никто бы мне не поверил и только подняли бы меня на смех, сказав – опять я все сочиняю, как ту историю, про полет в космос с собачками Белкой и Стрелкой в качестве секретного руководителя малой космической экспедиции, по части контроля за процессом влияния космоса и невесомости на организм животных, их поведением в неземном пространстве и в должности кормильца животных в полете, за что получил, естественно, звание Героя Советского Союза, но при этом не был официально представлен народу по причине секретности.

Эксперимент-то являлся предполетным тестом первого космонавта-исследователя Юрия Гагарина, выбранного из множества претендентов по моральным, физическим и внешним данным героя. А мне, являющемуся практически почти рядовым сотрудником подготовки космонавтов-животных и не имеющему никакого отношения даже к кандидатам на всемирную славу, кроме того не проходящему ни по одному из параметров ни по наружности, ни по здоровью, втихоря предложили, инкогнито, посетить звездную орбиту, даже не сообщив о предполагаемой большой вероятности неудачи данного полета в космос.

В мои обязанности тогда входило – выполнить поставленную передо мной задачу по сохранности собачек, несмотря ни на что. Если сгину, думали боссы, то никто и ничего не узнает, все шито крыто, вроде бы ничего и никого не было, а если пройдет удачно, то все в полном ажуре, награды, премии там всякие, но не для третьей жучки, то есть не для меня, поскольку в космос лететь я не должен был, а отвечать за выживание моего собачьего экипажа должен, и хоть ты тресни.

Для престижа советского государства требовался только положительный результат, несмотря ни на какие жертвы. Партия сказала – надо, комсомол ответил – есть! В то время, как и многие из нас, без рассуждений и амбиций я, не задумываясь, сделал выбор на самопожертвование ради великого государства, ради великой цели.

Руководство полетами, перестраховываясь, тайно засадило меня в ту же ракету к моим подопечным на всякий непредвиденный случай, благо в кабине нашлось небольшое местечко для моей тощей фигуры. Нет, скафандра у меня не было, была только кислородная маска, там, в принципе, этого достаточно, если полет не длительный. Поэтому официального объявления обо мне вначале не было, не знали, как отрапортовать начальству по поводу первого, незапланированного полета не того человека в космос, а потом уже оказалось поздно трубить и, как результат, всеобщими героями оказались мои коллеги – дворняжки.

Об этом я однажды спьяну рассказал на одном из сборищ друзей на даче и с тех пор надо мной все прикалываются, припоминая Белку и Стрелку.

А во-вторых, расскажи я о диком человеке кому-либо и если, не дай бог, фантастическая новость просочится в средства массовой информации, то тут же в нашем лесу появится масса репортеров, научных работников, просто идиотов, которые захотят найти моего дикаря, отснять на фото, провести на нем опыты, а скорее всего, для сохранения вида доисторического гомо сапиенса, решат поймать его, с намерением поухаживать за ним в грязном вольере,

последить за повадками и, в конечном итоге, заморят беднягу, для чего направят к нам отряды исследователей, охотников, а может даже и ОМОН.

В общем, я промолчал, сохранил тайну в себе, ни чем ее не выдавая. Да и на меня-то толком никто из моих не обратил внимания, – не барское это дело беспокоиться о челяди. Они, мои родные, обитают в своем мире, для тебя там места нет. Хорошо ли тебе, плохо ли, никто не заметит. Молчишь, да и ладно. Изволишь рассказать, расскажешь, если, конечно, тебя захотят выслушать, нет, так свободен как муха в полете, а что на душе твоей – без разницы.

Я давно уже понял, у меня в семье настал тот момент, когда я всем стал по хрену. Самое главное для них, особенно детей, за что они меня терпят, так это то, что приношу хоть какую-то маленькую, по их понятиям, пользу или выгоду в виде денег в дом (если бы они, деньги, сами бы приходили, то и своим домочадцам я вряд ли был бы нужен), в виде оказания помощи дочери, работающей у меня на студии, например, взять на себя серьезную ответственность или черновую, неблагодарную работу.

На самом деле она, дочь, уже и этой помощью тяготится, считая мои слова и действия старческим маразмом отсталого пердуна.

На даче для близких я, временно пока, еще желателен в качестве косильщика травы, мойщика бассейна, ремонтера дома своими силами или финансера приглашенных рабочих, плательщика сборов за землю, за электричество, дрова, газ и т. д., не более того. Пока это им выгодно, они позволяют быть рядом и терпят, а так, пусть бы меня и не было. Детям и даже жене я до фонаря.

Чтобы не послужило причиной моего молчания, я решил – так будет лучше. Тем более в тот момент я был горд, считая себя избранным, являющимся одним из тех, кому довелось увидеть чудо. А может быть, и единственным на всем белом свете человеком, столкнувшимся с непознанным и загадочным, для современного мира, феноменом. От этого я ловил кайф.

После случившегося, в другие заезды на дачу, я временами выходил на окраину леса и всматривался в его чащу. Иногда мне казалось, будто в глубине, между деревьями, мелькает тень моего знакомого чудовища. Я желал увидеть его еще хотя бы разочек, потому что воспоминания о нем были очень яркими, возбуждающими полет фантазии. Хотелось верить, что он жив и здоров, и что ему никто не причинил вреда, и что у него есть семья и дети, и что они будут долго жить не далеко от нас, и может быть, когда-нибудь их будет достаточно много, чтобы про них узнали все остальные люди, включая ученых.

Я несказанно счастлив, что на Земле еще остались реликтовые люди, но на всякий случай, все-таки, постоянно слежу – закрыта ли на засов калитка на дачный участок и заперта ли на ночь дверь в мой дом.

Случай

Бывает же такое. Если бы мне кто-нибудь рассказал подобную историю, я вряд ли бы в нее поверил. Но это случилось именно со мной и деваться от этого некуда. А дело закручивалось так:

Стремительно надвигался Новый год. Все мои домочадцы втихаря готовили друг другу подарки, так уж в нашей семье заведено, и ведь что-то уже напридумывали, разумные мои. Я же находился в полном отчаянье, не имея представления, чем можно порадовать жену, ожидающую чуда или, на худой конец, подарка с моей стороны. Благо детям и бабушке Елена самостоятельно приготовила, от нас двоих, маленькие сувенирчики на праздник и мне не надо было морочиться по этому поводу. А вот относительно подарка для нее, Леночки Борисовны, то хочешь или не хочешь, но на эту тему от меня требовались решительные действия, необузданная творческая фантазия и интуиция, чтобы выполнить долг порядочного семьянина и не попасть впросак, не выглядеть невнимательным мужем или бестолковым идиотом, не способным на элементарные поступки. То есть включиться по полной программе в бестолковость выдуманных традиций.

Накануне любого мало-мальски заметного события, которое отмечают многие цивилизованные люди, не говоря уж о реально значимых юбилеях, у меня постоянно начинала раскалываться голова от трудно разрешимой задачи, встающей передо мной непреступной стеной – что подарить жене на тот или иной праздник. А их, этих праздников, существует бесчисленная прорва и они все прибывают и прибывают, увеличиваясь в количестве. Не успеет пройти день рождения, тут же подкатывает восьмое марта, глазом моргнул, годовщина свадьбы на носу, только выкрутился, день Святого Валентина – здравствте пожалуйста, осилил, новогодние праздники наступают на измученное мое существо. Это еще не все я перечислил, только малую толику из того что вспомнил, потому что запутался в них, а так их ужас сколько.

Что там говорить, мне кажется даже, что и в день взятия Бастилии жена, утром убирая постель, на меня смотрит с укором, явно пытаясь найти в ней, среди белья, неожиданный подарок. Я вижу, как она теребит подушки и, ничего не обнаружив, презрительно бросает в мой адрес, еще более недовольный, взгляд оскорбленной женщины.

Зато у нас есть идеал для подражания. Там все романтично. Не муж, а золото – ставит в пример мне нашего знакомого моя маленькая женошка. Он то букет из долларов преподнесет своей жене, не умеющей считать деньги, то яйцо от Фаберже, с бриллиантовым колечком внутри, подложит на даче под курицу несущку, а за завтраком требует от супруги, бьющейся в истерике от неуместной его просьбы, принести ему из курятника свежее яичко. Конечно потом все проясняется и вновь они в мире и любви. А тут отчебучил – индийского слона с факиром на дачу приволок. Вот это романтика высокого полета. «А ты что? – говорит мене Елена, – тебя только на то и хватает, что бы выдать – пойдем купим тебе что-нибудь, чтоб вопрос закрыть... Только этого от тебя и можно дожидаться. Тьфу!»

Осознав всю свою никчемность в столь деликатном деле, я решил реабилитироваться и выпендрился, тайно от жены купив туристическую поездку на двоих на Гоа. Кто не знает, что такое Гоа – это бывшая португальская колония в Индии – туристическая Мекка для хиппи со всего света, творцов, наркоманов и просто любителей экзотического отдыха.

Не буду рассказывать, какой кровью далась мне моя потрясающая затея сумасшедшего бедолаги, как я сэкономил на всем, чтобы осуществить задуманное. Ходил голодным на работе, лишал себя пива и сигарет, продавал через AVITO, дорогие мне как память, безделушки, но я сделал это, я утер нос всем пресловутым доморощенным романтикам и толстосумам. Я сделал жене царский подарок, по моим понятиям, о котором она даже и не могла мечтать в наше,

столь трудное, время. Бац, и сразу Гоа! Мне казалось, что я совершил подвиг. Но реальный подвиг был еще впереди, о котором мы даже и не подозревали.

И вот мы с чемоданом ненужных вещей в аэропорту. Терминал, перелет и здравствуй солнечная Индия! Где-то далеко зима, а здесь вечное лето и нескончаемый праздник буйства тропической зелени и улыбок счастливых людей.

Устроились так себе, сойдет. Все неудобства гостиничного проживания с лихвой покрывались впечатлениями от пестрой жизни местного населения и удивительно низкими ценами на, никому не нужные, тряпки и сувениры, которыми торговали на каждом шагу.

Офигительные пляжи и теплое море сводили с ума, правда индийцев на этих самых пляжах значительно поприбавилось, чем тогда, десять лет назад, когда мы с женой впервые попали на Гоа благодаря внезапно свалившемуся на меня относительно большому заработку. Однако это нас несколько не тревожило и мы с головой окунулись в беззаботное времяпровождение. Поездки по, ранее посещаемым нами, местам, ностальгирование в замызганных ресторанчиках, копанье в дешевом серебре и бронзе на развалах, все было интересно и немного в новинку, так как было с чем сравнивать.

– Слушай, – как-то сказала мне Елена, когда мы в обнимку прогуливались по нежному песочку пляжа у городка Кандали и остановились на берегу мелкой речушки, бегущей у подножия горы, прервавшей пляж и врезавшейся основательно в море, – помнишь, мы в прошлое пребывание здесь решили найти дикий пляж и, перейдя речку в брод, полезли в гору? Ты тогда еще штаны разорвал и пришлось гулять в плавках до ближайшей лавчонки. Встречные еще ухмылялись на тебя. Мне кажется вот эта гора, она и есть, и речка перед ней похожа, тоже вброд перейти можно.

– Точно, помню, как на вершине подталкивал тебя в зад, чтобы ты не свалилась, а сам сел на шпагат и штаны разъехались. Еще индусы, помнишь, повстречались? Я у них спрашивал, есть ли за горой бич, а они, додики, говорили что нет, а там оказался пляж, полный хиппи. Точно, это она! Ну что, полезем? Рискнем как в молодости?

Мы аккуратно перешли речку, держа верхнюю одежду над головами, и самоотверженно начали карабкаться в гору.

Первоначально все казалось нормально. Вот тропинка, вроде бы знакомая, пошла вверх, кусты, однозначно пробирались сквозь них. Представлялось, что еще немного и с вершины откроется вид на дивный пляж, но не тут то было, за первой каменной грядой возникла следующая. Этого что-то я не припоминал, вероятно, подзабыл немного или просто был помоложе и в моем сознании не отобразились трудности прошлого перехода.

Делать нечего, мы же упертые, поэтому, немного оглядевшись, решили идти дальше, потому что точно знали – еще чуть-чуть и мы достигнем своей цели. Но тропинка, мать ее, зачем-то повела вниз, а затем вовсе прекратила свое существование.

– Ни фиги себе, дальше-то куда? – задал я сам себе вопрос, – наверх бесполезно, непроходимые заросли, вниз – куда ни шло, пробраться можно.

– Вперед, только вперед! – энергично поддержала меня жена, – Мне кажется мы уже рядом, – и ринулась напролом в гущу колючих акаций и переплетающихся лиан.

Наше заблуждение оказалось основательным до такой степени, что возвращаться назад было бессмысленно, забрались чёрте куда, до ночи не успеем вернуться, если повернем назад, а продираться сквозь тропические дебри вперед трудно, зато увеличивались шансы на успех данного мероприятия. По крайней мере нам так казалось в тот момент.

Впереди загрохотали камни, и раздался визг Елены Борисовны.

– Стой! – ломанул я за ней. – Держись, сейчас поддержу!

Борисовна повисла над небольшой расщелиной, уцепившись двумя руками за ствол корявого дерева.

Я, как беременный таракан, подполз на четвереньках к ногам Елены, подставил под ее кроссовку руку, чтобы она смогла на нее наступить и выбраться на край обрыва. И, кажется, мне это удалось, но под моим коленом камень предательски рассыпался на мелкие кусочки, предоставив мне счастье свободного падения в помойку, коей оказалась небольшая расщелина между двух глыб.

Там было дохренища замаскированного опавшей листвой старого бытового мусора, вероятно, от прилегающих когда-то к скале ресторанов-забегаловок, которых пока мы еще не обнаружили поблизости.

– Ты как, Вовуш, не ушибся? – подала голос жена, глядя на меня сверху, и тихонько хихикнула.

– Какой ты у меня неловкий стал. Штаны целы? Сам как?

Я с трудом приподнялся.

– Не дожدهшься.

Мы весело рассмеялись.

– Ща вылезу, – прохрюкал я, пытаюсь освободиться от налипшего на меня мусора и впившихся в мое тело и одежду шипов колючего кустарника.

Чем больше я напрягался, тем сильнее меня пленяли злые ветки. Один шип воткнулся даже в голову.

– Черт! – выкрикнул я и рванулся что было сил вперед, не обращая внимания на боль и рвущуюся рубашку. Нога на чем-то поскользнулась и я опять грохнулся мордой в гниющую дрянь.

– Сюда, наверное, от местных ресторанчиков раньше мусор сбрасывали, чтобы не вывозить, – догадалась моя супружница, как будто я не понял сразу, ковыряясь в дерьме. – Не бойся, он старый и давно уже высох, но это говорит о том, что мы скоро доберемся до цивилизации.

– Высох, если бы, – парировал я, вытирая листвой вонючую слизь с рук. – Как раз угодил в свежайшее говно, вон посмотри, – и указал на что-то противное черное рядом с собой.

– Кажется, там сундук какой-то, – неуверенно проговорила Елена, вытянув шею, глядя вниз.

Я брезгливо разгреб листву.

– Не, на чемодан похоже.

– Фу, вылезай скорее, может это гроб с чьими-нибудь останками, у них тут что угодно может быть. По горам здесь, кроме нас, идиотов, никто явно не лазает. Может, у них так бомжей хоронят.

– Подожди, такое впечатление, что это дипломат. Правда сгнивший.

– Ну и что, теперь в помойке ковыряться будешь? Вылезай говорю!

– А вдруг там золото-бриллианты. Он вроде бы закрыт и не пустой.

– Володь, брось дурью маяться, оставь. В помойку ничего хорошего не выбросят. Не хватало, что бы ты еще заразу какую-нибудь подцепил в этой грязи. Быстро наверх!

Однако, не слушая жену, я выдернул полуистлевший чемоданчик из вонючей кучи, как мог, отряхнул его и предпринял очередную попытку выбраться из ямы вместе с находкой.

– Брось это дерьмо, бестолковый, иначе руку не подам, – морщась, смотрела на меня Борисовна.

– Пошла ты в баню, сам выберусь без твоей помощи.

Кое-как забравшись на валун, я, тяжело дыша, плюхнулся на задницу и начал рассматривать свой трофей. – Знатный был портфельчик, сейчас мы его вскроем.

– А вдруг там бомба, как рванет, – наклонилась ко мне жена.

– Сама ты бомба, видишь, бумаги там какие-то торчат, – попытался я оторвать прогнивший край чемоданчика, откуда виднелись почерневшие уголки бумажной стопки. Но кожа оказалась крепкой и не поддавалась. – Чем бы подцепить?

– В сумке ключи от номера, ими можно, только ты ее там забыл, теперь лезь обратно, растеряха.

– Сиди, ничего не трогай, не вздумай открывать без меня, – проговорил я, с досадой посмотрев на потерю, одиноко валяющуюся среди отходов человеческой жизнедеятельности. Кряхтя, развернулся спиной к расщелине, встал на колени и, отключив зад, стал опускаться в яму. – Про сумку сразу не могла сказать?

– Лезь, не рычи, все равно доставать ее оттуда нужно.

Через некоторое время чемоданчик удалось вскрыть, вывернув с корнем проржавевшие замочки.

– Ёпрст, да здесь миллион долларов, не меньше – ахнули мы, увидев содержимое дипломата.

– Немного подгнили, но ничего, потихоньку можно спихнуть, в куче с целыми, – анализировал я ситуацию, перебирая пачки денег и раскладывая хорошие к хорошим, ветхие к почерневшим.

– Ты что, хочешь это забрать? – очухавшись, испугалась жена и огляделась вокруг.

– А ты хочешь здесь это бросить? Такое счастье подвалило, – возмутился я, – мы с тобой миллионерами будем, или ты этого не желаешь?

– Да нет, просто думаю, что их здесь кто-то спрятал и будут искать. А может, кого и убили за них. Как бы не попасть в страшную историю.

– Раз кейс никто давно не трогал, значит, о нем никто ничего не знает, иначе бы он здесь не тух под дождем и солнцем. Давай лучше быстренько пересыплем деньги в сумку, пока никто нас не застукал, и свалим, а там разберемся.

Мы трясущимися руками забили свою пляжную сумку пачками купюр до отказа, благо она была большая, не прозрачная и на молнии. Мне снова пришлось нырнуть в яму, чтобы закопать в листве развороченный чемоданчик, отряхнулись и крадучись пошли искать выход из зарослей.

Спуск с горы нашли быстро, он показался нам знакомым – заросшие камни в виде ступенек и остатки перил из покрытых коричневой слизью обрубков неровных деревяшек, которые разваливались при прикосновении. Впереди маячило начало пляжа, заваленное мусором, выброшенным океаном на землю.

Сумка оттягивала плечо, нервный пот струился по вискам. Елена тоже находилась вся на взводе. Нам уже было не до хиппи, не до ностальгии по прошлому. В голове билась лишь одна мысль – как можно быстрее, не обращая на себя внимания, добраться до дороги и рвать отсюда когти.

– По-моему, такси там, – пройдя половину местного пляжа, предположил я, указывая на проем между двумя ветхими ресторанчиками-лачугами, появившимися на берегу после нашего первого посещения этого места.

– Наверное, – очнулась Борисовна, – только стоит ли сразу брать машину? Увидят, что мы что-то тащим, догадаются и...

– Догадаться-то вряд ли кто догадается, но лучше перебить, чем недобить. Пошли, пешочком пройдемся до ближайшей деревни, а там, на прямой дороге, поймем тук-тук или как их там называют и никто не просечет, откуда мы едем, с пляжа или с местного рынка.

Водитель, которого наняли на периферийной дороге, вроде бы ничего не заподозрил, но, прибыв в свой городок, мы все равно решили выйти подальше от нашего местопребывания. Озираясь по сторонам, дочапали до туркомплекса, незаметно просочились в гостиницу и заперлись в номере.

Зашторив окна, высыпали сокровища на кровать и занялись подсчетом богатства:

– Сто, сто десять, сто двадцать пачек, – жадно бормотал я, сортируя брикеты валюты, – значит, это будет миллион двести тысяч долларов. Неплохая выручка от похода по местам боевой славы. Правда, из них тысяч двадцать подпорченных придется выбросить.

– Зачем? – запротестовала Елена, – если номер видно, можно в банк сдать. Миллионер хренов, ну-ка дай посмотреть. – Она схватила самую облезлую пачку. – Нормально, номер прочитать можно, так что нечего расшвыриваться деньгами. Нашли вместе, значит и распоряжаться ими будем вместе, но выбрасывать я тебе не позволю. Понял!

– Понять-то я понял, но думаю с местным банком нам лучше не связываться.

– Почему? Боишься засветиться с находкой?

– Не только. Вдруг эти деньги действительно криминальные, что и так ясно, к бабке не ходи, и их ищут. А значит, вполне вероятно, и номера купюр у них везде зафиксированы. Сунешься и повяжут, да еще какое-нибудь убийство или ограбление на тебя повесят, потом не отвертеться.

– Ну, отвертеться, положим, возможно. Мы же приехали недавно, поэтому не могли быть участниками преступления.

– Во-первых, как мне кажется, если поймают, то в этой стране церемониться с нами никто особо не станет. Здесь свои законы и твои объяснения им по барабану, тем более мы языка не знаем. Пока дойдет до посольства информация, что нас арестовали, если вообще дойдет, мы уже сгинем без следа где-нибудь в местных тюрьмах или джунглях. Могут найтись и такие, кто захочет невзначай присвоить бесхозные денежки, то тут вообще без вариантов. Или все будет по закону, но не в нашу пользу, это точно. Ты ведь читала брошюры на подобную тему. А во-вторых, все ценное, что может быть найдено на территории того или иного государства, там клады разные, исторические находки, самородки – сразу все должно сдаваться госорганам за вознаграждение, конечно если они, госорганы эти, сочтут нужным выплатить его тебе, но, как правило, причин для премиальных не находится. По-моему, порядок для счастливиц, типа тебя и меня, действует везде, во всех странах одинаково. И везде, в лучшем случае, нашедших клад, кидают по полной. Вот если не сдашь сознательно, то попадешь под уголовную ответственность однозначно.

– Значит, мы нарушаем закон? – быстро забегали и так беспокойные глазки Борисовны. – Или у нас не клад?

– Большие деньги, значит клад. Это же не три рубля шестьдесят две копейки, а почти полтора миллиона долларов.

– Тогда, может, отнесем деньги в полицию, от греха подальше?

– Поздно, – выдохнул я, – полицию нужно было туда вызывать и не вскрывать кейс, тем более не прятать его распотрошенный. Теперь, если даже не задержат за позднее признание, то не поверят, что мы себе ничего не присвоили, и будут держать в каталажке до тех пор, пока не сознаемся во всем, даже в том, что и не совершали. Так что, как ни крути, идти сдаваться нет никакого резона. Лучше давай покумекаем, что с этим делать дальше.

– Но мы же не знали, что в дипломате деньги, вот и вскрыли.

– А на хрена в гостиницу притащили? – спросят. Значит, стибрить хотели, резонно?

– Умешь ты порадовать женушку, ласковый мой. – Елена порывисто встала. – Вечно с тобой вляпаешься в какую-нибудь неприятную историю. Там не мог сообразить, во что все может вылиться, прежде чем эту дрянь тащить сюда?

– Не мог! Заклинило!

– Понятно. Вечно ты задним умом крепок. Как ты еще с такими способностями да на свободе?

– Заткнись, дура! Не хватало, чтобы на твои вопли прибежали эти, как их...

– Вот, весь ты в этом. Только и умеешь, что оскорблять, когда сказать нечего. То умным прикидывается, а то двух слов связать не может. Зато дура я. Во всем и всегда у тебя виновата я. И в том, что ты в яму эту гребанную свалился, акробат хренов, и в том...

– Идиотка, ты замолчишь или нет? Сама только что орала – попробуй выбрось...

Так, на куче несвежих долларов, мы чуть ли ни до развода договорились, обвиняя друг друга во всех неурядицах, сопровождающих нас всю нашу сознательную семейную жизнь, доведя ссору до наивысшей точки кипения.

Крепко обидевшись, я стряхнул находку на пол, разделся, побросав одежду рядом с кроватью, залез под одеяло и замолчал, отвернувшись к зашторенному окну.

На улице вечерело, судя по тому, что можно было увидеть в маленькую щель между занавесками. Очень хотелось жрать. С этими деньгами так и не пообедали. Стоически преодолевая голод, я думал – ну и стерва, для нее все, а она, зараза. Завтра соберусь и улечу в Москву, а она пускай здесь колупается, как хочет, со своим миллионом. И еще чего-то ест на кухне, даже не предложит. Ну и хрен с ней.

Долго и мучительно тянулось время, в голове роились мысли, пытаюсь решить задачу с несколькими неизвестными: как; нужно ли; не попасться бы. Весь правый бок отлежал, но поворачиваться не собирался. Незаметно подобралась дремота и я уснул.

На следующий день все как-то само собой, в семейных отношениях, урегулировалось и мы, успокоившись, вновь стали союзниками, так как нужно было гадать – можно ли оставить на время в номере, без присмотра, свалившееся на наши головы, богатство, не залезет ли уборщик-кастелянш с ревизией в наш чемодан, чем они здесь балуют по словам соотечественников, и не выдаст ли своим нетактичным поведением нас с потрохами. В сейф такое количество пачек не влезет, очень он маленький, под матрас прятать бессмысленно, других мест нет. Не таскать же с собой.

В первый день богатой жизни решили ходить кушать по очереди. О пляже, развлечениях и магазинчиках не могло быть и речи. Ох и трудная это работа быть обладателем миллионного состояния и не сметь потратить из него хотя бы незначительную частицу. Сидеть взаперти в райских кущах и трястись за свою задницу.

Клининг-работников не пушали, втихаря давились бутербродами и тропическими плодами, купленными за углом у бомжеватых продавцов экзотических фруктов.

Так продолжаться дальше не могло. Мучения выводили из себя.

На очередном совещании для себя мы выяснили, что вывезти в Россию такую прорву денег незаметно не удастся, накроют на границе, банком воспользоваться нельзя по ранее высказанным причинам. Здесь ими тоже не посоришь – в обменниках и магазинах списывают паспортные данные, это мы уже проверяли на своих, припасенных для сувениров, остатках, а если номера купюр на контроле или, не дай бог, это фальшивые доллары – крындец. По той же причине боязно и на рынок сунуться. В лавчонках торгаши тоже не сегодня родились. У них глаз почище любого сканера работает, а память на цифры, как у профессиональных шулеров.

Промучившись несколько дней в номере, поросшем грязью, сбледав с лица, обматюгав ненавистные пачки всеми, доступными нам, нехорошими словами, мы погрузили нашу добычу в большую сумку, купленную на базаре у дороги, и пошли по известному только нам пути.

Таща свой ценный груз, я был аккуратен – никого не задевал, зорко смотрел по сторонам.

В одном из торговых рядов на меня глядел достаточно прочный, отделанный металлическими уголками саквояж.

– Его берем! – уверенно сказал я жене. – Сколько стоит?

Елена ахнула, но делать было нечего, придется возвращаться домой без подарков, и достала кошелек.

Покупку выдали в большом целлофановом пакете, что было на руку.

– Думаешь, теперь к тем горам? – уточнил я, показывая налево, в противоположную сторону от первых гор, когда мы вышли на пляж.

– Куда же еще? – у жены вновь начинало нарастать раздражение. – У тебя есть какие-нибудь другие предложения? А то давай, возьмем такси на последние гроши и поедem подальше.

Я повинно опустил голову и молча побрел по пляжу. Расстроенная Борисовна шла немного в отдалении.

Очень тяжело пробираться между хаосом каменных нагромождений в неизвестной местности. Тропинки нет, приподнятого чувства скорого неожиданного открытия нет. Ничего нет, кроме желания побыстрее найти подходящую маленькую пещерку для организации тайника.

Часа через полтора, два блуждания между скал мы наткнулись на нечто подобное.

– Хватит, затрахался. Будем прятать здесь, – подал я голос первым, чтобы разрядить обстановку.

Елена устало пожала плечами.

– Здесь, так здесь. Мне все равно.

Мы спустились в небольшую лощину, предварительно обзрев окружающую территорию на предмет случайных свидетелей, переложили деньги из сумки в новенький портфельчик, упаковали его в целлофановый пакет и засыпали сначала каменной трухой, а затем старой листвой и вялой травой.

– Всё! Спите спокойно дорогие товарищи Франклины, – попытался состричь я. – Мы о вас никогда не забудем и, может, даже посетим место вашего погребения. Когда-нибудь.

У Борисовны навернулись слезы на глаза, словно она хоронила кого-то родного.

Конечно, ведь счастье было так близко. Пять минут назад мы были миллионерами и вот снова нищие.

Я обнял свою женушку.

– Не плачь, моя маленькая. Лучше гордись тем, что мы совершили умопомрачающий подвиг неслыханной идиотской щедрости. Представляешь, кто-то забредет сюда случайно, так же свалится в яму и на тебе, саквояж зелени. Крышу снесет в момент.

Елена прижалась ко мне, сильно переживая.

– Может, запомним местечко, на всякий случай? Вдруг не найдут, а мы сумеем что-нибудь придумать.

– Когда, в Москве? Вряд ли, но давай. Сейчас спустимся напрямую к морю, хотя сомневаюсь, что потом отыщем свой схрон. И нужно ли? Думаю, что Бог не делает, все к лучшему.

Вот это приключение, вот это всем подвигам подвиг – выбросить просто так, ни за здорово живешь, целое состояние за борт корабля, на съедение акулам, как говорил мой сосед по коммунальной квартире, дядя Федя.

Необычайный кретинизм, но он до сих пор неискореним в нашем, то есть в моем, социалистическом сознании.

– Ну и динозавр ты, – как-то охарактеризовал меня мой приятель. – Таких еще поискать нужно, очень редкостный тип.

Отпуск, конечно же, был испорчен как физически, так и морально.

Уже дома расстроенная жена молча разбирала чемодан, лежащий на кровати. Я незаметно подкрался сзади, обнял ее за талию и повалил на мягкий матрас.

– Оп-па! – навис я над Еленой и достал из-за спины пачку долларов. – Пять тыщ! Компенсация за отпуск.

– Откуда? Спёр?

– Не спёр, а маленькое вознаграждение за потраченные нервы. Выбрал самые чистенькие. Надеюсь, здесь их не ищут. Ну что, будем думать, как вывезти остальное?

Кстати, доллары оказались настоящими.

Случается же такое. Даже не верится. Что дальше? – Не знаю.

Камень

Мы с женой живем в центре города, в большой квартире, можно сказать в огромной, выстраданной мытарствами по Москве и непосильным трудом над созданием семейного гнезда в надежде, что дети и внуки будут жить вместе с нами. Но мы предполагаем, а Бог располагает.

Являясь москвичами, пришлось сменить двенадцать адресов по Москве для достижения желаемого результата в квартирном вопросе, но все наши замыслы оказались тщетными. Как только родные птенчики оперились, тут же разлетелись в разные стороны, даже не думая жить с родителями. И остались мы с Еленой Борисовной одни одиношеньки в безжизненном пространстве. Аукаемся, иногда теряясь с женой в комнатах, предназначенных для детей.

Крамольные мысли в голове у каждого из нас возникали постоянно, но мы не спешили ими делиться, не желая обидеть друг друга, а вдруг та или иная сторона нашей, первичной ячейки общества не поймет или не так подумает. Но однажды все решилось.

– Все правильно, Ленуся! А я думал, ты меня, как всегда, пошлешь куда подальше с моими нелепыми предложениями, – воодушевленно воскликнул я, почувствовав согласие жены.

День был воскресный, делать было нечего, и мы поехали к дочери в гости, чтобы огласить свое решение. Пусть она с мужем и со своей дочкой переезжает в нашу квартиру, а мы в нее. Им, как говорится, жить дальше, а нам, предпенсионщикам, сойдет и периферия. Не стали звонить, захотелось преподнести сюрприз неожиданно, тем более что Светка давно глаз положила на наши хоромы. Ей будет очень приятна родительская, сногшибательная, благородная задумка. Так почему бы не обрадовать девочку и не сделать широкий жест ради родненькой, если сын уже отлично пристроен, в плане достойного жилья. Не сеять же неприязнь между братом и сестрой из-за разницы в бытовых условиях, порождающей зависть. Так рассудили мы.

Дома никого не оказалось. Бросив машину у подъезда, решили прогуляться по Коломенскому парку, благо он находится в шаговой доступности.

Через десять минут мы наслаждались созерцанием архитектуры исторических памятников и природой московского оазиса. Парк, украшенный золотом осенней листвы, казался волшебным. Прозрачный прохладный воздух живительной энергией вливался в легкие. Захотелось даже немного почудачить – упасть в опавшую листву и покувыркаться в ней. До того было хорошо на душе.

– Если хочешь, как дурачок, повалиться в грязи, пойдем лучше к чудо-камню коломенскому, он где-то здесь в овраге таится, там на нем и полежишь. Может, он тебе ума разума прибавит. Говорят, помогает. Столько раз в парке были и ни разу к камню не ходили. Упущение. Слышал о нем легенды? – как всегда, со знанием дела, остудила мой восторг Елена.

– Конечно, слышал. Потому что именно я тебе рассказывал про этот камень, а теперь ты меня тут пытаешься поразить своими познаниями. Там, для таких как ты, разумных, есть камень и для женщин. Девичий называется. Бабам мозги вправляет.

– Ой, ей, ей, он мне рассказывал, профессор кислых щей, все-то он, а то я сама неграмотная, ничего не знаю. И перестань вульгарно о нас, девушках, выражаться. Бабы. Как грязно звучит из твоих уст.

– Девушка, ну раз ты все знаешь, то просвети меня необразованного, где притаился твой камень и почему он один, а не десять их. Как называется овраг, где он расположен? Давай, лепи, слушаю, – немного завелся я.

– Ладно, не выпендривайся, умненький мой, лучше выкладывай, что знаешь о камне или о камнях, а то я немного подзабыла.

Наши перепалки с женой обычно были не долгими и безобидными. Так, ради поднятия тонуса немного подурачимся словесно и опять идиллия во взаимоотношениях, если, конечно,

ни кто из нас палку не перегнет. А если и случалось такое, то первым на уступку шел я. Чего злиться на самого близкого, в этой жизни, человека. Беречь надо друг друга. Если женщина не понимает, что ссора не стоит и выеденного яйца, но не дал Бог ей этого счастья, то я, как настоящий мужчина, делал вид, что повержен ее правотой и сглаживал нарастающее напряжение в наших взаимоотношениях для сохранения семейного благополучия и покоя. Пускай думает, что она всегда и во всем права. Но иногда, по возможности, подкалываю ее, чтобы не очень-то нос задирала.

Соответственно, почувствовав мимолетное свое превосходство над Еленой в данный момент, я тут же решил блеснуть своей эрудицией и изложил все, что вспомнил из услышанного или прочитанного ранее о Коломенском. Задача поставить супругу на место должна быть выполнена блестяще, поэтому при рассказе я использовал немного надменный и поучительный тон. Пусть знает, кто есть кто.

– Надеюсь, ты в курсе, что Коломенское появилось при царе Горохе, то есть очень давно, – начал я.

– И кто же, на самом деле, у нас был царем Горохом? Иван Грозный?

– Кто? Не могу точно утверждать, но, по-моему, кто-то типа Ивана Калиты. Видела колокольню, которую мы недавно проходили, ну ту, самую знаменитую, так вот ее как раз и возвели в честь рождения Ивана Грозного в тысяча пятьсот каком-то году, где-то лет через двести, после основания села Коломенское жителями Коломны, бежавшими от татар, темнота. Живешь здесь и не в курсе, что творится под боком.

– Во-первых, я здесь давно уже не живу.

– Ничего, скоро переберешься сюда.

– А во-вторых, сам ничего не знаешь. Кто-то, типа, где-то, в каком-то году. Ты хоть слышишь себя, как ведешь высокоинтеллектуальное повествование? На каком-то прибалтненном сленге. Мне за тебя стыдно.

– Опять наезд на пустом месте. Бытие определяет сознание. Запомни это раз и навсегда. Вот оттуда и мой жаргон.

– Не поняла, но извини, мой маленький. Не обижайся, не обращай внимание. Это я так, для профилактики. Кто ж тебя поругает, кроме меня. Внимательно слушаю, дорогой, что там дальше, продолжай.

«Жена всегда права, если даже говорит глупости», – опять напомнил себе я и продолжил.

– Где-то здесь, мне кажется вон в том направлении, находится, так называемый, Голосов овраг, в котором должны лежать два камня – Девичий и Конь-камень. Сейчас, полагаю, найдем. Пошли туда.

Мы спустились по деревянной лестнице вниз и медленно побрели по набережной. От Москвы-реки веяло осенней прохладой, и в воздухе висел слабый туман, наделяя сединой полуобнаженные деревья парка.

– Откуда название оврага – Голосов? Здесь что, много голосили? – пошутила Елена и вопросительно посмотрела на меня в надежде, что на этот вопрос я уж точно не смогу дать ответ. Но не тут-то было. Я был подготовлен на все сто.

– Голос, откуда пошло название оврага, моя дорогая, было изначально словом Велес. В честь языческого бога подземелий Велеса, но со временем превратилось в Голос. Потомки славян, как и наши дети, не очень-то следили за наследием своих предков и правильностью произношения тех или иных слов и их значениями. Так же лепили, что не попадая, и Велес, естественно, превратился в Голос. Аналогично сегодняшнему дню, где продолжают уродовать наш язык юнцы и недоучки, бубень. Кофе у них стал, видите ли, среднего рода. Зашибись. А потом научные сотрудники будут гадать на перевернутых фактах – и как же развивалась наша история? Не удивлюсь, если в трактате какого-нибудь ученого из будущего появятся научно обоснованные выводы – родина кофе мужского рода – Южная Америка, а родина кофе сред-

него рода – Россия. Значит в свое время кофе среднего рода росло в средней полосе Европы, значит на нашей территории был совершенно другой климат, пригодный для произрастания тропических растений. И в доказательство своего труда приложит указ депутатов Госдумы 2014 года о переводе кофе из мужского в средний род.

– Не бурчи, как старый дед. Всем давно уже известно, что нет того классического русского языка, который преподавали нам в школе. Сейчас у нас смесь эсэмэс-англо-дворового сленга с примитивной интернет-субстанцией, немного походящей на родную речь. А о том, что депутатам очень важно разобраться с кофе, так это ж у них нет других проблем как то, чтобы избавиться каждому второму народному избраннику от замечаний в буфете. И чтобы их не уличали в неграмотности, решили провести референдум и обличить в неграмотности сам кофе. Вот самая важная проблема страны, не экономика, а кофе и собственное достоинство. Ничего нового в этом направлении ты не открыл, не трать свои нервы понапрасну, успокойся.

– Так я спокоен, как шпала. За Державу обидно, понимаешь, ничего более.

Пока блуждали в поисках камней, потому что никто нам не смог подсказать, где они находятся, я еще раз озвучил Елене пару известных мне историй, связанных с мистическим оврагом.

Первая история была про татар, которые, уходя от преследования русских воинов в конце пятнадцатого века, спустились в Голосов овраг, в надежде скрыться там в тумане, лежащем густой зеленоватой пеленой на дне оврага, а вышли они из тумана, как в последствии оказалось, аж лет через пятьдесят, в начале шестнадцатого, и попались очумевшей от неожиданности царской свите. Татар-то отсюда давно вышибли, а тут здрасте.

Ну, немного им учинили дознание и совсем обалдели. Пятьдесят лет для пленников как корова языком слизала. Что произошло, возможно ли такое, может, врут? Думаю, не очень-то стали разбираться с этим наши ратники тех лет, но сама история, благо, сохранилась до наших дней и теперь радует нас своей сказочностью. А вот что случилось с теми татарами, неизвестно. Надеюсь отпустили их с миром.

Другая легенда гласит, что двое крестьян, уже в восемнадцатом веке, возвращались из одной деревни в соседнее село через все тот же Голосов овраг. Так же вошли в туман и в своем селении появились, нисколечко не постаревшими, через двадцать один год, где их односельчане все это время считали пропавшими без вести.

Где-то читал, что здесь были, конечно, и другие случаи, но они как-то в моей памяти не очень осели.

Мы даже не заметили, как сами очутились в окутанном плотным туманом овраге. Идя практически на ощупь, наткнулись на здоровенный продолговатый камень.

– По-моему это то, что нам надо. Мне кажется это Конь-камень, – предположил я. – Никого не видно. И спросить не у кого.

– Вон там, вроде бы, кто-то есть, – указала Елена в сторону темного пятна, недалеко от нас.

При ее словах сгусток зеленовато-молочной взвеси колыхнулся, на миг приобрел очертание огромного волосатого чудища в расфокусе и исчез, словно испугался неожиданной встречи с незнакомцами.

– Ой! С нами здесь никто не хочет общаться, – нервно засмеялась Елена.

– Да этот кто-нибудь, как и мы, наверное, заблудился и, кажись, реально испугался нас, не думая, что может кого-либо встретить вдали от туристических тропинок в нелетную погоду. Туман-то какой. А может, этот кто-то, тайный ритуал здесь на камне совершал, а мы его спугнули? Это же камень для жертвоприношения языческим богам был в древние времена, как гласит летопись.

– Вовуш, я боюсь.

– Вряд ли в наше время существуют тутошние язычники, так что не бойсь. Если, конечно, сюда язычник не залетел через временную трубу, или мы не очутились в его эпохе. Не бери в голову. Хотя, по местным поверьям, все может быть. Ладно, займемся делом. Значит так, Конь-камень считается мужским и лечит от разных там мужских болезней, поэтому для профилактики я на нем немного поваляюсь, а потом пойдем искать твой, Девичий камень. Он так же целебный, только для женщин. Ферштейн?

– Ес оф кос, хер генераль.

– Только гляди, женский камень, по меньшей мере, для тех, кто желает иметь детей. Ты готова?

– Ох, охальник! Быстро полежал, набрался сил и побежали, раз такое дело.

– Слушаюсь, мадам, – с этими словами я забрался на камень и улегся на него лицом вверх, блаженно втягивая в себя свежий воздух осени. Стало казаться, что и сам камень способствует улучшению настроения, излучая необычную чудодейственную энергию, насыщая ей мое, относительно не молодое, тело.

– Не видно ни зги, – услышал я несколько приглушенный голос Елены. Повернувшись к ней, увидел, полуразмытый туманом, силуэт жены с вытянутыми вперед руками.

– Что, медитируешь?

– Нет. Просто ничего не видать на вытянутую руку. Мне кажется, начинает смеркаться. Нужно искать выход отсюда. Если везде в округе такой туман, то можем заблудиться. Помнишь, однажды на машине, в тумане сбились с пути. Тогда он был не столь густой, как сейчас, и то заблудились.

– Да нет, думаю туман только здесь, в овраге у этой маленькой речушки. И сама Москва-река здесь недалеко. От них, вероятно, и тянет.

– Знаю. Все равно пойдем.

– Рановато. Ребята, наверное, еще не вернулись домой. Тем более твой женский камень не посетили.

– Ну его. Потом как-нибудь. Меня какое-то чувство беспокойства одолевает.

– Раз одолевает, тогда пошли, – с досадой согласился я, – но камни, по-моему, реально имеют определенно положительное воздействие на человека. Посмотри на меня. Я полон сил и энергии.

– Пошли, энеджерджер.

Окутывающая пелена действительно помрачнела, за клубилась концентрированными сгустками, все плотнее закрывая от нас окружающий мир, который и до этого-то был еле виден не более чем на полметра.

Придерживая друг друга под локти, чтобы не споткнуться и не свалиться на сырую землю или в канаву, мы как слепые котятка, долго тыркаясь из стороны в сторону, наталкиваясь на странные, не поддающиеся идентификации предметы, не понимая, откуда они там могли взяться и что из себя представляли, шли вдоль русла, почти пересохшего, ручейка Голосового оврага в направлении, недавно возведенного в Коломенском, деревянного дворца царя Алексея Михайловича, пока не выбрались на свет Божий. Туман как-то внезапно кончился. Обернувшись назад, я не обнаружил даже и малейшего намека на его недавнее присутствие.

– Темницы рухнут, и свобода нас встретит радостно у входа, – с энтузиазмом воскликнул я, предположив, что найден выход из мрака, и осекся. При ясной, солнечной погоде все вокруг было незнакомо и неузнаваемо.

– Ой, где это мы вышли? – удивилась Елена.

– Надеюсь, там, где нас не смоют, – попытался пошутить я, увидев, как к нам, отделившись от находившейся недалеко толпы, направилось несколько человек, одетых как робокопы из американских фильмов – в латы, черные шлемы, обвешанные налокотниками и наколенниками, и прочей угрожающей атрибутикой. Естественно одним из элементов их формы были

крутые черные пистолеты в черных современных модных кобурах, пристегнутых к правой ноге каждого бойца.

– Если это не актеры какого-нибудь, снимаемого здесь, кино, то для них мы сейчас будем продуктом жизнедеятельности в унитазе. Уж очень они решительно настроены на уничтожение, как мне кажется, – поспешил заметить я, глядя на приближающихся, наверное, спецназовцев, и оказался прав.

Невзирая на призывы уважительного отношения к возрасту и, не обращая внимания на наши возгласы типа – «безобразия», нас бесцеремонно прессанули, выворачивая карманы курток и потроша сумочку жены, выбрасывая из нее все, на их взгляд, ненужное на землю. Борисовна еле успела каким-то чудом подобрать свой кошелек и мобильник, слава богу, я забыл захватить с собой деньги и телефон, а так бы остался без всего. Со словами – «Этих бомжей тоже туда», – нас грубо втолкнули в сдерживаемую агрессивными черными монстрами толпу гражданских людей, которые пытались что-то выкрикивать, поднимая над головами пластиковые плакаты с нарисованными на них, непонятными нам, символами.

– Мы, по-моему, попали в кучу каких-то демонстрантов нетрадиционной ориентации, – робко предположил я, – но то, что это не кино, это точно.

Елена Борисовна, возмущенная и перепуганная отношением к нам блюстителей порядка, вначале гневно выдавила из себя:

– Сволочи...

Затем, как всегда, последовал наезд в мой адрес:

– Это все ты. Пойдем в Коломенский парк, там волшебные камни... Вот и получили от твоих камней по башке. Вечно так с тобой.

Немного успокоившись, притесненная окружающими нас людьми и, почувствовав какую-никакую безопасность в людской массе, жена все-таки осознала, высказанное до ее тирады, мое предположение относительно того, куда мы влипли, и шепотом спросила меня:

– А почему ты думаешь, что это демонстрация педиков?

– Так посмотри, как они одеты. Нормальные люди так не ходят.

И действительно, окружающий нас люд по одежде и поведению не смахивал на обычных среднестатистических обывателей, любящих потусить в толпе. Так же странные, незнакомые выражения на лицах скандирующих додиков вызвали некое беспокойство. Естественно и их непривычные наряды немного напрягли. Да и разговорный сленг этой молодежи и взрослых не очень-то гладко ложился в наши уши, привыкшие к более-менее нормальной русской грамматике, которой, как нам показалось, здесь не пахло.

Вскоре стало понятно, что демонстрантов, в рядах которых мы нежданно-негаданно оказались, согнали в одну кучу и насильно пытаются выдворить с территории парка на проезжую часть проспекта Андропова через ворота в ограде, которые до этого я ни разу ранее не замечал, часто проезжая вдоль забора исторического коломенского заповедника.

Может, эти ворота здесь были всегда, не знаю, но сейчас они выглядели очень грозно и пафосно.

«Хорошо хоть не арестовывают, – подумалось. – А то потом доказывай, что ты не верблюд», хотя вдоль дороги за оградой грозно стояло несколько внушительных военных машин, напоминающих вместительные бронетранспортеры. Было видно, что в данной ситуации они предназначены только для того, чтобы толпа не ринулась обратно в парк. Словом, эти железные чудовища в настоящий момент не внушали опасения в плане нежелательного отъема у нас свободы, но для подавления народной движухи, можно было догадаться по внешним признакам, несомненно подходили как нельзя лучше.

Рядом с нами неожиданно случилась суeta и тройка молодых людей, два парня и девушка, прорвав оцепление, ломанулась в сторону дворца, пытаясь увлечь за собой соратников своего противостояния. На этот безрассудный порыв группы лиц тут же отреагировал ближайший

от них спецназовец, водрузив на плечо агрегат, смахивающий на малый переносной ракетный комплекс типа «Игла», прицелился в убегающих и выстрелил. Эффект был до изумления потрясающий. Волна, как нам показалась, видимая невооруженным глазом, не то акустическая, не то воздушная, искажая вокруг себя пространство, будто толстая водяная струя, вдарила по беглецам. Сбив их с ног и не нанеся им никакого осязаемого физического урона, сорвала с несчастных всю одежду, оставив активистов движения голыми на обозрение всех окружающих.

Благо морально этические правила у рьяных молодых людей оказались еще не до конца утраченными, поэтому мученики неизвестной нам идеи, загоразивая свои интимные места, припали к земле, не понимая, стоит ли дальше бунтовать в одеждах Адамы и Евы. Что с ними стало дальше, мы уже не видели.

Как только нас вытолкнули за ворота, я схватил растерянную Елену за рукав и потащил за собой в сторону, между броневиками, подальше от напряженного места событий. Мы почти вырвались на свободу и начали было шутить по поводу очередного нашего приключения, когда нам перегородил путь огромный детина в камуфляже.

– Стоять!

Правой рукой, жестом, удерживая нас на расстоянии вытянутой руки от себя, он вскинул левую руку, словно хотел проверить, сколько сейчас времени, однако вместо часов на рукаве униформы у него оказался плоский экранчик, над которым тут же выросло голографическое поясное изображение человека в форме.

– Сержант, у меня здесь два странных субъекта, предпринявших попытку сбежать через оцепление.

Голографическая голова взглянула на нас женой. Мы чуть не упали в обморок.

– Вижу. Я их уже пробил. Они не в ретрайвале системы, не отвлекайся на рвань. Выперли и пускай катятся.

Изображение сержанта исчезло. Детина, не понимая, что ему дальше делать, зло взглянул на нас.

– Свободны! И чтобы я вас здесь больше не видел. Клоуны.

– Мы здесь случайно, извините, – забубнила испуганная, но довольная таким исходом, Елена. И, наверное, для того чтобы смягчить создавшуюся ситуацию, она решила, что нужно и можно поинтересоваться, у пленившего нас, а что же все-таки здесь происходит и что у него за штука на рукаве. Это мною сразу прочлось по выражению лица жены. Естественно, во избежание неприятных последствий ее глупого предсказуемого поведения, я быстренько развернул Елену на сто восемьдесят градусов и, чуть ли не затыкая ей рот рукою, увел ее в сторону.

– Фу, обошлось. Рвем отсюда, пока нас очередной раз не замели.

Поток машин не давал возможность сразу перейти на другую сторону дороги, чтобы убежать побыстрее от пережитого кошмара. Это замешательство на обочине позволило нам внимательнее оглядеться вокруг и мы вновь были ошарашены увиденным.

Мимо нас проехал гладенький автобус без водителя и плавненько притормозил у остановки. Пассажиры, как ни в чем не бывало, входили в него и выходили. Правда сами люди по одежде больше напоминали спортсменов, приехавших на сборы и вышедших погулять в своих фирменных полуспортивных куртках и комбинезонах.

Снующие вокруг машины серьезно отличались от тех, которые мы привыкли видеть на дорогах, хотя и знакомые мне марки авто изредка мелькали на трассе. Некоторые, неизвестные модели легковушек, так же были без водителей, но основной, характерной чертой почти для всех автомобилей, попадавших в поле нашего зрения, было то, что практически каждая из них была оснащена по периметру мягким, противоударным бампером. Судя по внешнему виду, нам сразу стало понятно, для чего служил данный обвес на транспорте. Конечно же, для облегчения взаимоотношений между водителями или транспортными компаниями при легких столкновениях их движущихся средств. Следов-то на мягком бампере почти не оставалось,

если кто-то кого-то нечаянно притирал. В любом случае внешний вид автомобиля серьезно не страдал и что из-за мелочей тратить время и нервы. Тем более, когда вместо водителя был автомат, с которым не поспоришь. Ну и для безопасности пешеходов такое положение вещей тоже неплохо.

– Ни фиги себе, – разинул рот я, – это ж что творится вокруг? Это куда же мы попали?

– По-моему, мы попали в будущее. Опять все из-за тебя. Своими сказками про волшебный камень накаркал. Вообще, зачем мы поперлись в парк? И что нам теперь делать?

– Ничего! Пошли скорее к Светке. Попробуй набрать ей на мобильник.

– А она нас узнает? Какой сейчас год? Может сто лет уже прошло.

– Звони!

Над головой что-то громко зашипело, отчего мы немного пригнулись и посмотрели вверх. Над нами промчался, обтекаемый по форме, подвесной электропоезд.

– Так разрыв сердца можно получить. Я даже и не заметил эту балловину над головой. Круто.

– Что и требовалось доказать, связи нет. И что дальше?

– Просто так пошли, без звонка. Может, они еще здесь живут.

– Прямо. Думаю, как только мы пропали в то время, она тут же перебралась в нашу квартиру.

– Да подожди ты гундеть. Значит поедем туда.

– Каким образом? Ты думаешь машина все там же во дворе стоит?

– Не знаю. Может мы просто попали в другое измерение, а год все тот же. Ну не верю я в эти сказки, что мы могли скакнуть во времени. А может, мы на другой планете или мне все это чудится? Ты как? Крыша не съехала?

– Хам! Какой чудится. Вон наши дома. Не похожи, но это они. Планета все та же. Правда, вон там не было многоуровневой развязки, но то, что это проспект Андропова, однозначно. Во всяком случае, узнать его можно. Похож. Точно он.

– Не вздумай только у прохожих спрашивать, какой сегодня год. Вижу, нацелилась. Непонятно, что у них здесь происходит. Сгребут еще и отправят в психушку. Хорошо хоть в одну, а то в разные распределят и привет из зарешеченных окон. А я без тебя не смогу.

– Да когда ты без меня что-то мог сделать? Если б не я, сидел бы в своем ЖЭКе и командовал метлами.

– Извини, сейчас должность начальника ДЭЗ, или как его теперь кличут, стоит очень дорого, больше миллиона долларов. Ой, о чем я говорю с этой женщиной. Мы хрен знает где, а она права качает. Лучше в нашем времени метлами покомандовать, чем находиться в таком дерьме.

Бесконечно препираясь, мы кое-как пересекли дорогу, не обратив внимания на находящийся неподалеку подземный переход для цивилизованных граждан, и в скором времени оказались у нужного нам подъезда.

Ни о какой машине речи и не могло быть. Да и сам дом с прилегающим к нему двором неузнаваемо изменились. Трехуровневая стоянка для местных автовладельцев живописно нависла над ранее неприглядными техническими сооружениями – местной электроподстанцией и площадкой под контейнеры для сбора бытового мусора, несколько не ограничивая пространство самого двора. Даже, наоборот, из-за отсутствия машин на тротуарах у дома, как это было раньше, в наше время, показалось, расширила двор, украшая его современными формами прогрессивного дизайна. По-моему, даже на крыше автостоянки был разбит садик. Во всяком случае, мне так представилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.